

якобы книга, или млечнымукидва
антон посеvский

??????????

16+

Антон Павлович Лосевский
Якобы книга, или
млечномукидва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54977948

SelfPub; 2020

Аннотация

История одного падения и возвращения, рассказанная через призму субъективного восприятия всего.

Содержание

Млечнымеукидва	4
Голова 01. Перо на гвоздь	4
Голова 02. Купи у нас	11
Голова 04. Бабушка зовет	19
Голова 05. РЦСЧОДН	25
Голова 07. Мне сюда	31
Голова 08. Афина	37
Голова 09. Mobile razvodko	45
Голова 11. При делах	51
Голова 13. Хорошо	62
Голова 16. Заведующий всем	69
Голова 17. Только спокойствие	75
Голова 18. Раздвоение личностей	82
Голова 20. Любой из нас	88
Голова 21. ЗАЧЕМ?!?	94
Голова 23. Alea jacta est	101
Голова 24. Все только продолжается	106
Голова 27. Фальсификация выбора	115
Голова 29. Чемодан без денег	121
Голова 30. Медвежья услуга	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Млечные муки два

Голова 01. Перо на гвоздь

Ljdjkmuj ljcflyj ljkuj yf,bhfnm ntrcn& Dszyzz dcrjht& Xnj dct 'nj ,skj yfghfcyj/ Botim& Cdj q cnbkm Buhftim ckjdfvb& crekfvb Ghtlkj;tybzvb& B dct 'nj phz/ Gj;fkeq& 'nj b tenm kexibq gjdjl yfgbcfnm tot jlye rybue/ Djpvj;yj& Tot ,jkt ,ktrke. ,tcghxbuye. B ,tcnjkrjde.& F xnj tot ltkfnm d 'njq ;bpyb& B tckb ceotcnde.n ghtlts b rfyjys crexyjcnb b dnjhbxyjcnb& Nj vjz [elj;tendtyyfz pflxf cjenjbn bvtyyj d njv& Xnj,s ytghtvytyyj jnsrnf m b[b ljdtnb lj cjdthitycndf& Jnnfxbdfz 'nj ytcjvytyyjt cdjt vfenthendj/ Dtlm z -nj pyf. & Xnj ltkj vjt ghfdjt b ktdjt jlyjdhtvytyyj/ B d cbke dct[dsityfpdfyys[ghbxby& F nfr;t tot jlyjq& Cfvjq ukfdyjq& Htxm j rjnjhjq pfqltn xenm gjp;t& Z yfxbyf. Yjdsq gj[jl r ,tkjcyt;ysv dthibyfv pf,dybz/ Nfr b yt ecksifd dctuj-nj lde[kturb[ckjd& gTib tot/

Довольно досадно долго набирать текст, выясняя вскоре, что все это было напрасно. Забыв переключить раскладку клавиатуры, я допустил грубую ошибку, однако стирать абзац и набирать его заново нет уже ни сил, ни желания. Слишком поздно: за окном, склоняя ко сну, чернеет ночь. Да и что это за ошибка, так – ошибочка. К тому же ошибки дав-

но уже стали характерной чертой моего стиля, скажу больше – неотъемлемой частью личности. Так что не такая уж и ошибка эта ошибка, поскольку не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, но и тот, кто ничего не делает, по всей видимости, тоже ошибается.

Делать что-то надо.

Мое дело – проводить эксперименты. В недавнем прошлом, к примеру, я провел один блестящий эксперимент, результаты которого превзошли. Собрав в кучку рассказы разных лет, я объединил их под одной обложкой и издал за собственный счет. Счет меня почти разорил, отобрав последние деньги, но я зашел уже слишком далеко, чересчур увлекся экспериментом, зачем-то выбрав самую гладкую бумагу, при этом явно сэкономив на верстке и редактуре; многими местами, чего уж, схалтурил и на содержании.

Следствием эксперимента стал 21 экземпляр книги. Оставив один себе, остальные 20 книг, очертив круг неких избранных, я распространил среди людей мне, так или иначе, близких и симпатичных, после чего принялся ждать, что из этого получится.

Таким способом очень скоро я установил, что с тем же успехом вполне мог бы отдать все свои деньги первому встречному уличному бродяге. Тот, вероятно, точно так же слегка удивившись и бегло отблагодарив за неожиданный презент, поспешил бы скрыться из вида поскорее да подальше, уходя из моей жизни навсегда.

Само собой, я всегда отдавал себе прекрасный отчет в том, что нет такого выражения как «отдавать себе прекрасный отчет», есть выражение «прекрасно отдавать себе отчет в». Хотя именно из-за присущей мне словесной путаницы и вынужден был издавать книгу за свой счет, вполне понимая, что едва ли она будет любопытна широкому кругу издателей, не говоря уже про всяких читателей и прочих писателей, так как общепризнанно, что моя сатира сортирного уровня – чистой воды самодеятельность, лишенная тонкого коммерческого расчета и умного анализа психологии масс, навыка выдавать читателю именно то, что ему будет, видите ли, интересно.

Мне это не интересно.

Между прочим, называя свою книгу «Книга», одним только этим я очень многое имел в виду. Хотя бы и то, что слово «книга», если долго и пристально всматриваться в него, просто смешно само по себе, поскольку спокойно ложится в один ряд с такими бестолковыми лексемами как «шняга» или «шарага». Тем не менее, чего уж теперь терять, проговорюсь, что в слово «книга» мною закладывалось еще не менее трех значений и сложносочиненных смысловых галлюцинаций.

Когда я был мал, то ничего не понимал. И только после завершения эксперимента пришел к пугающему выводу, что теперь, когда мне под тридцать, оказывается, понимаю еще меньше. Если раньше я всегда как-то думал, полагал, ладно,

предполагал, что, когда один человек дарит книгу другому, тем более свою, в особенности если эти люди друг другу знакомы, то тот, другой человек, вполне может взять на себя труд ее полистать, сложить о ней некоторое мнение и, может быть, даже когда-нибудь высказать его автору, отправив смску, электронное письмо, в крайнем случае – что-нибудь да скажет словами при встрече.

Здесь сразу следует подчеркнуть, что под «мнением» я подразумеваю не только бурные овации или многостраничные рецензии, но также и испепеляющую критику, тот же добрый совет завязывать с этим делом, раз уж получается как-то не очень, хотя временами и закрадывается странное ощущение, что ценою страшных стараний и целых циклов бессонных ночей, автору все же удалось кое-где ввернуть приличный абзац.

И вот, вопреки моим предэкспериментальным представлениям, наиболее популярным мнением о «Книге» стало ловкое молчание, перерастающее в зловещую, заговорщицкую тишину.

Сперва я воспринял это неправильно и чуть ли не обидчиво. Мне почудилось, что «Книга» не понравилась читателю настолько, что прокатилась в провале абсолютно, безвольно и глобально. Настал даже момент, когда я был близок к тому, чтобы весь эксперимент счесть ошибкой. Однако памятуя о том, что эксперимент он на то ведь и есть эксперимент, чтобы давать результат, я принял к сведению и эту ти-

шину, делая соответствующие выводы и пометки в блокнотике. И конечно, то обстоятельство, что результат эксперимента несколько разошелся с ожиданиями, вовсе не сделал его неудачным.

Да и как иначе, без эксперимента, я мог бы выяснить, что мои представления о том, что, когда один человек дарит книгу другому, тем более свою, то тот, другой, вполне может взять на себя труд ее полистать... оказались не более чем моими представлениями об этом, тогда как на самом деле там, в параллельных головах-мирах, царят принципиально иные представления. А ведь это, в сухом остатке, и есть центральный результат моего эксперимента, пускай и не имеющий особого отношения к литературе.

И только так, прислушиваясь к дыханию массового молчания, я смог открыть глаза и увидеть, что другого результата, разумеется, и быть не могло, потому как тексты мои по большей части столь безыскусны и безыдейны, что вежливые и порядочные люди, сжалившись, не сговариваясь, приняли шадящее решение деликатно и тактично промолчать, дабы не нанести моей хрупкой душевной организации непоправимый ущерб неумолимой честностью и беспристрастностью. Пожалуй, с моей стороны было бы даже уместно собрать всех респондентов в одной вечеринке, в рамках которой принести извинения за низкий художественный уровень «Книги» и, положив руку на сердце, дать торжественную клятву, что больше подобных выходов с моей стороны не по-

вторится уже никогда.

Ну а если рассуждать трезво и рационально, что в целом мне не слишком свойственно, вынужден признать, что, и вправду, кто я такой и что нового имею сказать миру, в котором сам я лишь обычная единица голосащей на все лады толпы, где никто друг друга давно не слышит и слышать не желает; толпы, взоры которой устремлены в гладкую голубую даль экранов, где беснуются веселые и задорные, кем-то уже одобренные и специально отобранные клоуны-небожители.

Заканчивая эту затянувшуюся мысль, добавлю, что несмотря на некоторую неоднозначность проведенного эксперимента, впоследствии мне так и не пришлось пожалеть об этом опыте, что ничто не убедило меня в том, что «Книга» являлась ошибкой: нет, здесь нет и не может быть ошибки, тем более что результаты объективно превзошли, выйдя далеко за рамки литературы и ответив на многие даже не приходившие в голову вопросы. Наверное, ошибкой стало разве что чудовищное количество экземпляров; хватило бы, думается, и пяти гвоздей.

Таким вот образом, достигнув самой вершины своей литературной карьеры, добравшись до максимально доступной точки, я принял единственно возможное решение – повесить перо на гвоздь, заколачивая его для себя последним в крышку гроба некогда большой и славной литературы, так и не сумев стать даже крошечной ее частью.

P. S. Уж лучше бы я отдал последние деньги несчастному

бродяге.

P. P. S. бодренькое_начало_книги – галочка.

Голова 02. Купи у нас

В те странные дни, завершив свою писательскую карьеру буднично и бесславно, я с головой погрузился в пустоту, быстро осознавая, впрочем, что ее срочно необходимо чем-то заполнить или хотя бы разбавить. Так и не приступив к работе над второй книгой, которой я и планировал ранее наполнять менее густую пустоту, я надумал полностью сосредоточиться на построении самой обычной карьеры: той, что приносит деньги и положение в обществе, поскольку у меня никогда толком не было ни того, ни другого. Ведь и мне, как и прочим действующим лицам жизни, также потребно время от времени выбираться в универсальный магазин, дабы покупать себе пищу, одежды и различные полезные в быту микросхемы.

Начал я свое возрождение, как водится, с поисков работы. Вот только подолгу вылиставая шершавые рабочие газеты и мониторя гладкие виртуальные предложения, я никак не мог отыскать для себя ничего. Повсюду мелькали объявления, в которых зазывали барыжить товарами или бодяжить услугами, я же воспринимал все это как однозначно уже пройденный этап.

Спустя неделю, однако, я заметно смягчился, ловя себя на мысли, что вновь уже в шаге от очередного компромисса с реальностью, готовясь сделаться куда менее разборчивым и

принципиальным в данном прикладном вопросе. А все потому, что карьеру, строго говоря, можно построить вообще везде, да хоть в сети общественных туалетов, так что чего уж теперь выделываться, честно признался я себе, когда самому уже критически под тридцать, а преуспеть по-взрослому хоть в одном предприятии прежде мне не удавалось.

Тем более что работа – явление почти всегда довольно подневольное, когда нужно просто договориться с самим собой, чтобы пять раз в неделю посещать какое-нибудь место, в конце месяца получая за это оговоренную сумму, компенсирующую множественные моральные неудобства. К тому же при наличии определенной фантазии в абсолютно любой деятельности можно отыскать глубоко скрытый подтекст и незримое другим значение, практически предназначение.

Вероятно, если бы в те дни я подвизался грузчиком, то в своем сознании не просто поднимал пианино с группой новых коллег на последний этаж высотки, нет, я делал бы это исключительно для того маленького мальчика, которого зажиточные родители вздумали побаловать какой-нибудь диковинной игрушкой. Уже предчувствуя, что родители, возможно, сильно недооценивают потенциал своего отпрыска, а тот, увлекшись игрушкой, когда-нибудь напишет великую музыку, которая на время остановит войны и сделает этот мир чуточку чутче, я буду тянуть и придерживать пианино значительно энергичнее и терпеливее. А там, в далеком будущем, глядишь, этот виртуоз еще вспомнит обо мне: о том

самом дяде, который когда-то не только донес до него инструмент, но еще и дружелюбно подмигнул, застолбив за собой местечко в памяти.

Годы летят. И вот тот мальчик, уже маэстро, бросая многие великосветские дела, начинает наводить справки и давать объявления в онлайн-газеты, рассчитывая найти своего невольного благодетеля, приходя к выводу, что именно то мое подмигивание и предопределило его дальнейшую судьбу, поскольку только благодаря этому он и понял пианино как нечто веселенькое и увлекательное... И потому он жаждет отыскать меня, чтобы основательно воздать за судьбоносный эпизод, обещая позаботиться о том, чтобы больше я никогда и ни в чем не нуждался.

Не скрою, что и я запомнил того мальчугана по необычной звездообразной родинке на лице, такой же, что есть и в лице маэстро. Кроме того, как раз в тот день я и дебютировал в амплуа грузчика, то есть тянул пианино в небо впервые, а это, как известно, запоминается навсегда. И именно я, в отличие от своих коллег-сквернословов, отирая пот с высокого лба и прерывисто дыша, отчего-то захотел подмигнуть тому мальчику, испуганно смотрящему на непонятную бандуру, тогда как он просил всего лишь новенькую игровую приставку...

Вот так вот, спустя десятилетия, когда сам я становлюсь рыхлым разбитым стариком, не имеющим ничего общего с тем породистым грузчиком, каким был когда-то, я случайно

узнаю, что тот мальчик разыскивает меня, желая дать все то, чем так щедро обделила меня моя сомнительная жизнь. Мне это льстит, но нет, мирская слава уже не в моих интересах, не нужно мне всяких запоздалых почестей и назойливых репортеров, я только счастлив знать, что тот мальчик, в отличие от меня, стал человеком и сочинил грандиозную музыку, изменившую мир к лучшему. И мне вполне достаточно этого знания, им я и буду согреваться всю оставшуюся жизнь, а потому предпочту остаться в тени, не откликаясь на пестрые поисковые объявления, не выдавая никому своего, казалось бы, такого пустяшного, но вместе с тем и весьма весомого вклада в сокровищницу мировой культуры...

Однако как-то уж так вышло, что идти в грузчики мне не пришлось: судьбина пошутила иначе. Вообще-то уже давненько, во всяком случае в последние несколько лет, я подумывал о том, а почему бы не основать свое дело? Прежде меня всегда останавливала тяжеловесная мысль, что для того чтобы основать свое дело – нужно же еще и уметь что-то делать... а вот здесь имелись определенные сложности. И только в те странные дни, внимательно изучая объявления шершавых газет и уютных интернетов, я все более утверждался в мысли, что все же нынче только тем и заняты, что что-нибудь перепродают друг другу и перепкупают, так почему бы и мне, расчетливо прикидывал я, не попытаться преуспеть на продажной ниве?

На подъеме энтузиазма я позвонил Димасу, а затем и Де-

нису, своим коллегам по прошлой работе, с которыми у меня установились крепкие и внерабочие отношения, предлагая им встретиться и поговорить. К моему удовольствию, встретились мы как-то сразу же, тем же вечером, и, беседуя о том, о сем, я выяснял, что друзья, как обычно, испытывают схожие с моими трудности, в чем, впрочем, ни секунды и не сомневался.

Мало-помалу я подводил тему к своему делу, рассуждая в том ключе, что по большому счету ничего невозможного нет, главное – наметить реальную цель и упорно стремиться к мечте, как бы подозрительно просто это ни звучало. Димас осторожно признавал, что тоже уж пару лет подумывает о таких вот своих делах, но никак не может решиться и с чего-то начать. Лицо Дениса же, помню, выражало полное недоумение и непонимание – о чем это мы? В конце заседания мы пришли к выводу, что неплохо бы встретиться снова через пару-тройку деньков, когда у подобных забродивших уже мыслей, быть может, наметятся более трезвые очертания.

В те срединно-августовские дни я валялся в квартире, купаясь в тепле проникающего сюда лета и вынашивая полный пунктов бизнес-план. И одна идея раскручивалась и становилась все более зримой: ведь если так поразмыслить, то маржа во всех спекулятивных бизнесах примерно одинаковая – процентов 50–100 с любой продажи. Так и чего голову ломать: нужно просто продавать все, что можно

продавать, покупая это на оптовых складах. А для того чтобы покупать и продавать дальше, нужно всего-навсего быстро оформить простейшее индивидуальное предпринимательство, дабы все шло по бумагам и наукам.

Дня через три мы собрались с друзьями опять. Сначала слово взял Димас, предлагая открыть пышечную, поскольку его тетя уже работает в пышечной и знает это дело во всей полноте. А там, когда дела попрут, можно же будет и о чем-нибудь более величественном подумать: об основании закуской на колесах, а то и сети быстро, главное-то – начать. Мы с Денисом лишь переглянулись, понимая, что Димасом движет вовсе не коммерческий нюх, а его ненасытный желудок, уже нарисовавший разуму веселые картинки бесконтрольного потребления собственной продукции.

Денис саркастично посоветовал учредить пышечную рядом с банком и по ночам украдкой сверлить дыру в будущее, чтобы однажды преуспеть всерьез и надолго, как он видел это в фильме одного заморского кинорежиссера. Своих оригинальных заявок на победу у него не было.

Тогда я принялся озвучивать свои выкладки, и хотя Димас сперва сопротивлялся, считая свою тему более сочной и вкусной, Денис же решил поддержать меня, предложив затеять интернет-магазин, потому как он вполне способен изобразить сайт. Эврика! Интернет-торговля – это то, что доктор прописал, время такое.

Мы с ребятами не на шутку загорелись идеей, ибо вло-

жений не нужно почти никаких, а перспективы, при системном подходе к делу, вполне обнадеживающие и радужные. Теперь мы старательно суетились и встречались ежедневно, укрепляясь во мнении, что находимся на верном пути и все делаем грамотно и толково. Димас посещал налоговую, оформляя на себя предпринимательские свидетельства, так как жил ближе всех к данному учреждению и всегда был более склонен к бумажным хлопотам. Денис вовсю создавал сайт, который с каждым днем становился все изящнее и структурнее. Я же занимался отбором материалов, скидывая их Денису.

До хрипоты мы спорили о том, как бы назвать наше детище, но все эти «Крокодилы 78» и «СуперШопы 812» не могли удовлетворить никого из нас в полной мере. Тогда, настаивая на том, что нужно бы что-нибудь такое предельно простое и даже примитивное, но обязательно запоминающееся, иллюстрируя примером, я случайно выдал: «Купи у нас». Неожиданно для меня самого друзья не поняли иронию моей буквальности, им отчего-то так понравилось, что они сразу же утвердили это название как окончательное и наилучшее. И я был бессилен им возражать, так как никто меня за язык не тянул.

Назвав свой корабль, мы продолжали прилагать все усилия, чтобы поскорее запустить его в долгое плавание, дел отныне хватало на всех. Я в те деньки складывал дивные длинные тексты, призывая купить что-нибудь именно у нас, а не

у них, в глубине души даже немного гордясь, что мои сочинительские порывы находят выход хотя бы и здесь, в кои-то веки имея характер вполне практический и весьма прикладной.

Запуск окончательной версии сайта намечался на середину сентября, мы шли к успеху и были очень довольны собой, с нетерпением ожидая от будущего захватывающей нескучности. И тут вдруг, незадолго до предполагаемой даты отправления нашего спутника в космос, мне позвонила бабушка.

Голова 04. Бабушка зовет

Казалось бы, что может быть более обыкновенного, чем телефонный звонок от бабушки к внуку, равно как и в обратном направлении? Как правило, это никоим образом не влияет на будущность абонентов, но тут, несколько забегаая вперед, небрежно оброну, что этот звонок изменил в моей жизни очень и очень многое.

Здесь, с видом человека, как бы знающего и понимающего жизнь, замечу, что бабушки, как и люди в целом, бывают всякие. Хотя в большинстве случаев модель взаимоотношений бабушек и внуков проста и незатейлива: бабушки любят своих внуков, а те относятся к ним тоже нормально; бабушки с нетерпением ждут внуков в гости и охотно навещают их сами; бабушки нянчатся с внуками, всячески их балуют и поощряют, забирают к себе на каникулы и развлекают блинами с вареньями и кашками с пенками. По данной модели, в частности, выстраивались мои взаимоотношения с бабушкой по материнской линии. Однако тем вечером мне позволила совсем другая бабушка – с отцовской стороны, именно о ней и пойдет речь дальше.

Попутно отмечу, что отца своего я никогда толком не знал. Он, как и подобает героическому летчику-испытателю, трагически погиб при каких-то секретных испытаниях, а потому проживал теперь в другом городе. О последнем обстоя-

тельстве, разумеется, я узнал только когда был уже достаточно взрослым, и, по правде, сильно слукавил бы, сказав, что это перевернуло во мне все, или хотя бы что-то существенно изменило в мировоззрении. Вот примерно в такой же атмосфере отчуждения и равнодушия я всегда сосуществовал и со своей бабулей.

Вообще-то бабушка уже давно ушла из семьи. Моя мама как-то рассказывала, что стоило мне только появиться на белый свет, как бабушка уже не на шутку расстроилась новоявленному обстоятельству. Ведь она, еще вполне себе молодая женщина и видная партийная деятельница, вдруг стала... бабушкой, что, в ее понимании, видимо, знаменовало начало конца и наступление осени жизни.

И откровенно говоря, даже очень пристально всматриваясь в детство и подолгу напрягая память, я так и не сумел припомнить ни одного эпизода, в котором бабушка, взяв меня за руку, вела в зоопарк, кинотеатр или просто на прогулку, покупая сладкую вату или какую-нибудь гремющую безделушку. Никогда она не забирала к себе на работу, поскольку меня не с кем было оставить, не предъявляла своим коллегам по коммунистическому цеху в качестве наследника и того самого внука. Пожалуй, я мог бы еще долго продолжать эти «не», но, наверное, картина и без того должна быть уже ясна. И все это можно было бы объяснить заурядным фактом наличия у нее некоторого числа других внуков и наследников, более любимых или менее капризных, но нет же, я все-

гда был и оставался единственным.

В пору своего карьерного взлета бабушка достигла вполне серьезных аппаратных высот, а потому в те радостные дни развала страны, когда наконец-то пришла пора пилить пирог и делать государственную собственность собственной, моя бабушка тоже не осталась внакладе, заполучив квартиру в двухэтажном особнячке на юге Сэинт-Питерсбурга, где каждая квартира занимала целый этаж. Так она завладела всеми помещениями на первом этаже; на втором же этаже осваивался со своим счастливым семейством популярный в народе убийца за деньги, ставший впоследствии народным избранником в нижней палате.

Не могу сказать, что по мере моего взросления и становления в качестве школьника или студента наши отношения как-то качественно или эмоционально менялись. Бабушка в те годы перестроек и демократий уже вовсю председательствовала в местном отделении международной организации «Красивый крест», как бы взяв под свою опеку обездоленных и натерпевшихся русских детишек, на которых в ту пору сбрасывались тонны всевозможных гуманитарных продовольствий и прочих кайфов. Интерес моей бабушки, очевидно, заключался в приеме и последующем перераспределении этих благ в нужное русло, за небольшое вознаграждение, как водится. А дети... дети эти, ни черта не смыслящие еще в настоящей взрослой жизни, как мне видится, только без дела путались под ногами, протягивая к заграничным гостин-

цам свои неумные ручонки и невымытые жадные рты, изредка получая в утешение какой-нибудь дешевый шоколадный батончик или никому не приглянувшуюся рубашку.

Говоря прямо, мою бабулю, сколько ее помню, всегда волновали в основном вопросы обеспечения комфортной и сытой жизни для себя и своего бойфренда, одного отставного вояки. Я же, как и подобает скромному бедному родственнику, никогда как-то и не стремился в ее конъюнктурный круг, хотя если бы вдруг и начал стремиться, то едва ли был бы впущен в него через эти двери. Справедливости ради, раз в год я навещал бабулю в день ее рождения, делал этикетные звонки в дни международных женских дней и празднований новых годов, но в целом наши отношения всегда оставались сугубо формальными и протокольными.

У независимого читателя может даже сложиться неприятное впечатление, будто я, весь такой обделенный лаской и материальными благами, затаил какую-то жуткую обиду на свою бабушку, и вот теперь так изощренно перевираю ее биографию, трактуя ее крайне вольно и непочтительно. В какой-то мере так оно и есть, но сейчас важно отметить лишь то принципиальное для дальнейшего повествования обстоятельство, что с бабушкой мы всегда проживали в настолько несовместимых и параллельных мирах, что объединяло нас разве что номинальное родство и одинаковая фамилия. По духу отношений, пожалуй, мы были именно что поверхностно знакомыми однофамильцами. В остальном же я всегда от-

носился к бабуле приблизительно так же, как и к троюродной тетушке из паспортного стола, видя ее от случая к случаю, время от времени получая новый паспорт, когда приходил срок к замене или я попросту терял старый, то есть, по совети говоря, не относился почти никак. На этих откровениях может также назреть законный вопрос, отчего же я тогда позванивал и даже порой захаживал к своей своенравной бабуле? Не буду оригинален в ответе: всему виной надежда быть упомянутым когда-нибудь в завещании.

И обо всем этом я рассказываю вот почему: сколько я ни морщил память, но так и не смог выудить оттуда ни единого случая, когда бы бабушка звонила мне сама. Все мои маленькие личные события, вроде дней рождений, окончаний школ и университетов, стоит ли вообще говорить, нисколько не входили в сферу ее внимания. Помнится, во время одного из моих редких визитов она искренне изумлялась, узнавая для себя, что, выясняется, я давно уж получил диплом – и вот уже даже работаю на какой-то там работе, хотя я подробно докладывал о том в ходе прошлогоднего еще посещения. Да, я вполне добродушен по жизни, но и память у меня, да будет вам известно, достаточно долгая и емкая.

И в силу всех вышеперечисленных причин, мое удивление ее звонку, которым она приглашала меня в свою резиденцию, было подлинным и неподдельным; потому-то я, крайне озадаченный и морально готовый ко всему, подходил тогда к ее элитному особняку, стоящему, как и положено, особня-

ком, посреди нелепых одинаковых хрущевок.

Дверь отворил бабушкин бойфренд. Тот, неприветливо взглянув на меня, сообщил, что бабушка уже ждет, спросив, зачем это я опаздываю, когда она так этого не любит... Здесь отчего-то вспомнилось, что никогда я даже и не называл ее «бабушкой». Для меня, как и для прочих простых смертных, она всегда оставалась обитательницей высших сфер – Ниной Иоанновной.

Голова 05. РЦСЧОДН

На дворе тогда устоялось то самое время года, когда центральное отопление преступно халатно, то есть за окнами домов холодно так же, как и в самих домах, поэтому, очевидно, еще подходя к гостиной, я невольно отметил приятное потрескивание поленьев в аккуратном камине. Я и раньше обращал внимание на этот камин, но обычно мне доводилось навещать Нину Иоанновну летом, когда камин бездействовал, и только теперь я получил возможность понаблюдать его в действии, что, пожалуй, и согрело меня в первые минуты нашей беседы.

– Ну чего переминаешься? – приветствовала меня бабушка. – Присаживайся.

Признаться, я всегда чувствовал себя несколько стесненным ее обществом, равно как и обществом всех подобных ей львиц и извечных хозяев положения. Возможно, именно потому в ту минуту я охотно последовал ее совету, присаживаясь настолько долго и претенциозно, насколько это позволяли правила такта в моем их понимании.

– Ну, рассказывай, как поживаешь? – без раскочки полюбопытствовала она.

В дни наших нечастых встреч передо мной всегда вставала непростая задача: порассказать ей о своей не слишком яркой и богатой на успехи жизни таким образом, чтобы сказать

много, но вместе с тем и ничего определенного одновременно. Однако в тот день была у меня в запасе одна крепкая весть, которой я планировал поразить свою бабулю, умерить придиричивость, давая той повод даже гордиться мной.

– Я это... Нина Иоанновна, бизнес тут свой с друзьями затеваю, все достаточно многообещающе, ребята надежные, это весьма современный интернет-проект...

Нина Иоанновна, впрочем, услышав эту мою радостную новость, вопреки ожиданиям, лишь ехидно фыркнула, а затем, едва сдерживая усмешку и глядя на меня, точно на юродивого, отвечала:

– Какой еще бизнес, ты рехнулся? Да самое лучшее, что тебя ждет, если вдруг дела пойдут – ссылка в Лондон. Да в наше время любой приличный бизнес сразу забирают себе, сам знаешь кто. С Луны свалился, что ли?

Я начал было возражать, что жизнь в Лондоне представляется мне не настолько беспросветной и невыносимой, как принято об этом в последнее время говорить у нас. Тем более что и говорить-то пока о столь мрачных перспективах весьма преждевременно, поскольку никаких реальных предпосылок для моей ссылки в Лондон нет, как и бизнеса-то успешного нет – ничего еще нет, все только на бумаге. После этого я отчего-то принялся делиться с бабушкой своими общими житейскими соображениями, рассказывая, что я не из числа тех, кому нужно от жизни слишком много и сразу, что вполне готов довольствоваться средними заработками и тя-

желым трудом, так что едва ли стану когда-нибудь кандидатом в ссылку. А превыше всего я ценю дружбу, чувство локтя, атмосферу созидания и развития, а деньги – лишь побочный эффект этих процессов, не главное это, главное, чтобы хватало, чтобы проглядывалась тенденция роста, да и в целом было интересно...

Во время моей речи Нина Иоанновна посматривала на меня точь-в-точь как, должно быть, психиатр смотрит на тяжелого душевнобольного: отстраненно-настороженно; мало того – ей было явно стыдно за меня.

– Это тебя мать так воспитала? Институт? Или книжек каких-то фантастических начитался? – почти прикрикнула она. – Ндааа... не уберегла я тебя, внучок... – примирительно добавив после непродолжительного молчания. – Но и моя вина в том есть, не скрою. Не занималась тобой совсем – и вот он, плачевный результат!..

Как раз в тот критичный момент ее бойфренд и по совместительству личный повар принес нам на пробу свои кулинарные поделки, а также всякого рода покупные мясные закуски, несколько видов икры и бутылочку неизвестного мне сорта шампанского. Пока мы кушали, я имел возможность перевести дух, по-прежнему не улавливая, чего ей от меня надо-то, какова цель моего приглашения...

После того как мы откушали, бабушка, понимая, видимо, мое непонимание, протянула мне визитку с загадочной аббревиатурой РЦСЧОДН. На мой недоуменный взгляд и во-

прос «что это», она пояснила, что это название конторы, в которой с ближайшего понедельника я приступаю к работе... Разумеется, я тут же принялся горячо ее разубеждать, уверяя, что мне это совсем не подходит, ведь я и без того уже при деле: мы с ребятами бизнес уж строим, все крайне продумано и взвешенно, так что спасибо, конечно, но...

– Никаких «но»... – оборвала Нина Иоанновна мой сбивчивый спич. – Лучше послушай внимательно, что скажу тебе я, твоя бабушка! Так вот: внук мой родненький, ты пойми, что ты же кровинушка моя, единственное, что останется после меня... Доверься моему жизненному опыту и пойми наконец: хватит, хватит уже по подворотням шараться! Пора бы и тебе человеком становиться... Я специально за тебя просила это место, поверь – это прекрасный трамплин в блестящее будущее. Папаша твой – непутевый совсем, не слушал меня никогда... и где он теперь? Так я вот надеюсь, что хоть ты не посрамишь нашу фамилию... А в этой конторе главным трудится мой старый друг и большой должник – Козырь, Гарик Валентинович. Он позаботится там о тебе. Был он у меня тут на днях, вот мы обо всем и договорились. Не упускай свой шанс! Давай-ка дуй к нему в понедельник по адресу на визитке, не пожалеешь! Бабушку потом до конца жизни вспоминать будешь... Попомни мои слова!..

В ту минуту я никак не мог подобрать отвечающих эмоции ситуации правильных слов: до того это было не похоже на нее, что, стоит признать, я был немало удивлен ее на-

строению, разумным наставлениям, звучавшим весьма убедительно, веско и искренне. К тому же, зная бабушкины связи и авторитет в конкретных кругах, я мог быть уверен, что речь идет не о работе на уровне купи-продай, хотя до сих пор так и не услышал ничего внятного о том, а в чем, собственно говоря, заключается содержание этой работы.

Мы посидели еще, потягивая мягкий мятный чай. Бабушка, окончательно перехватив инициативу, вещала о потрясающем будущем, о сумасшедших перспективах, которые вскоре откроются передо мной во всю ширь. О том также, что нужно уметь удерживаться от всякого рода соблазнов, которые обрушатся на меня с приходом первых денег. И под «деньгами», как несложно догадаться, она подразумевала вовсе не те деньги, на которые я кое-как поддерживал свое существование на этой планете бесконечно долгие годы.

– Жить надо красиво, на широку ногу, а иначе зачем? – напутствовала она меня уже в прихожей.

Уходя от нее, помнится, я много и сильно думал о неожиданных переменах, которые, похоже, вот-вот неизбежно произойдут в моей судьбе. И как причудливы бывают эти жизненные повороты, когда, изрядно разочаровавшись почти во всем, как-то и не ждешь уже от жизни ничего хорошего, как хорошее вдруг настигает, возникает из ниоткуда, разворачивая совсем иные горизонты и немислимые прежде панорамы.

«Что ж, если еще совсем недавно я планировал строитель-

ство серьезной карьеры, даже не зная, с чего начать, то, кажется, это именно то, что мне нужно для старта, – деловито прикидывал я. – На ловца и зверь бежит, как говорится»

Впрочем, даже тогда у меня и мысли не было, чтобы вот так запросто забросить едва зарождающийся бизнес, к тому же имелись еще и обязательства перед друзьями и данное мною слово идти до конца. Не забывал я и о том, что я же изначально и выступал инициатором процесса, что, разумеется, накладывало дополнительную ответственность. «Значит, – размышлял я, – буду вкалывать теперь на два фронта, а со временем определюсь, куда бросить основные усилия...»

В общем, тем вечером я покидал Нину Иоанновну в крайне смешанных чувствах, ощущая себя востребованным везде, энергичным и деятельным, вполне, правда, допуская, что решением открыть сразу два фронта работ, возможно, совершаю фатальную ошибку, а с другой стороны, ведь может быть и наоборот: вытягиваю очень счастливый билет.

Голова 07. Мне сюда

Тем сентябрьским субботним вечером, собравшись на квартире у Дениса, мы с ребятами наконец-то запустили наш сайт в сеть, после чего отметили это дело символическим ящиком пива. Я как мог подробно и доступно объяснил друзьям, что мне поступило предложение, от которого нельзя отказаться, но несмотря на все на это – остаюсь идейным купунасовцем. И, само собой, планирую всячески оставаться в жизни проекта, вкладываясь и деньгами, и участием, и всем, чем смогу. Кроме того, озвучил я и свой хитроумный план: побатрачу там с полгодика-годик на солидных господ, поправлю финансовое здоровье, а затем уж всеми руками-ногами полноценно вернусь в дело, как бы там оно ни складывалось. К счастью, друзья весьма достойно приняли непредусмотренные бизнес-планом факторы, спокойно выслушав аргументацию во всей ее убедительности: внешне, во всяком случае, не выказывая недовольств и сомнений в подлинности моих намерений.

Следующим, воскресным вечером, выглаживая брюки и разыскивая в шкафу какую-нибудь светлую рубашку, я ловил себя на ощущении дежавю, что вот опять я возвращаюсь в офисные джунгли, куда войду вновь уже буквально завтра, хотя еще в обобщенном вчера бежал оттуда со всех ног. Но убежал, выходит, недалеко, раз уже на завтра ожидается оче-

редной рабочий понедельничный день, в котором, по закону джунглей, многое будет сложным и тревожным, потому как мне предстоит пройти целый ряд неотличимых друг от друга коридоров и поворотов, повстречать множество волевых подбородков и безвольных кивков, оценивающих глаз девушек всех возрастов и возможностей, а также строгих косых взглядов уборщиц, буфетчиц и охранников. И нужно будет в самые сжатые сроки еще как-нибудь освоить десятки новых, но одинаковых имен, этих Саш и Леш, Инн и Ян, пытаясь соотнести их имена с внешностями, а внешности с должностями, чтобы прощупать почву под ногами и попытаться понять – кто есть кто и во что горазд, с кем можно и пошутить на грани фола, а кого, напротив, следует держаться подальше.

Иными словами, во мне вызревали классические сомнения из серии «а оно мне надо?» – не лучше ли просто побыть завтра дома, оставить все как есть, принести извинения Нине Иоанновне, продвигающей меня по карьерной лестнице, чтобы полностью сосредоточиться на собственном проекте и всего добиться самому. В общем, признаться, никогда не любил я этих первых дней, да и последующих, а в данном случае ситуация усугублялась еще и тем осложнением, что я так и не получил никакой информации, а куда и кем, прямо скажем, иду работать.

Аббревиатура РЦСЧОДН не говорила мне ни о чем. Понятно, я уже обращался к интернету, пытаясь найти ответ: такая комбинация букв там встречалась; я обратил внима-

ние, что поисковик знаком с данной аббревиатурой, однако результаты выдает весьма мутные и расплывчатые. Складывалось даже ощущение, что если какая-то информация и была в сети, то оперативно кем-то удалялась, не говоря уже о том, что никакого фирменного сайта у предприятия не обнаружилось. И это-то в эпоху, когда иметь свой сайт стало нормативом даже для периферийного пивного ларька с чипсами. Так мои сомнения становились все более уверенными.

Откровенно говоря, это совсем не внушало. Конечно, если деятельность предприятия совсем не связана с торговлей или публичностью, то вполне можно обходиться и без сайта, но все-таки, ненавязчиво повторюсь, меня это несколько настораживало. Единственная открытая информация о РЦС-ЧОДН представляла собой метку на карте: контора располагалась в отдельно стоящем здании, что немного улучшало впечатление о ней. Здание находилось примерно посередине между метро Kurchino и Parnas, что меня вполне и устраивало, однако разыскать фотографию здания, чтобы было проще сориентироваться поутру, как-то не удалось.

Несмотря на то что рабочий день, со слов бабушки, там начинался не совсем уж спозаранку – в 11:00, а заканчивался в 17:00, что мне в целом тоже весьма импонировало, я отправился в первый путь пораньше, допуская, что с поиском здания под номером 23 корп. 14 лит. Ж могут возникнуть некоторые сложности. К тому времени я давненько не спускался в подземку, подолгу не вылезая из своего района,

удивляясь теперь тому, что народу здесь прибывает, похоже, с каждым месяцем, и даже в 10 утра тут бешено мельтешит, точно в ускоренной перемотке, прежняя толкающаяся толпа всех возрастов, видов и сортов.

Мои опасения по поводу потенциальных сложностей со зданием 23 корп. 14 лит. Ж подтверждались наихудшим образом. В доме 23, например, никогда и не слышали о здании с корп. 14. Наконец, обогнув полквартала, мне удалось отыскать здание с корп. 5, но и там никто не мог ничем мне помочь. Иногда я называл им, вахтерам и сторожам, аббревиатуру РЦСЧОДН, те лишь перекрещивались и отпускали «с Богом». Когда же, зайдя в тупик и вернувшись к дому 23, я заметил с другого бока корп. 10, то почти возликовал, хотя, конечно, быстро выяснилось, что рано радовался. Я опушу долгие подробности дальнейших метаний, но тот факт, что отыскать в пространстве хоть что-то, похожее на здание под номером 23 корп. 14 лит. Ж, – не такое уж плевое дельце, становился все более несомненным.

Вкупе с тем нюансом, что днем ранее я не сумел отыскать в сети их сайт, да и просто каких-нибудь достоверных упоминаний, я уже заранее проникся серьезным скепсисом к будущим работодателям. Был момент, когда я почти решил оставить идею построения успешной карьеры в качестве наемника. Прямо подмывало бросить все и развернуться домой, где можно и чайку хлебнуть, и прикорнуть на уютненькой тахте в условиях тепла и безветрия; в общем, дома было

абсолютно все, чего не было в том промозглом сентябрьском утре.

Однако то ли данные мною друзьям обещания заработать денег для нашего совместного проекта, то ли пронизывающий бабулин взгляд в случае капитуляции, заставляли меня продолжать поисковую операцию и обратить в итоге внимание на глухой забор красного кирпича, накрытый сверху колючей проволокой, с едва заметной проходной и подвижными воротами. Сколько-то раз я оставлял уже позади эту проходную, каждый раз как-то приходя к убеждению, что по антуражу это походит скорее на филиал какой-нибудь тюрьмы или секретное разведывательное учреждение, а потому так и не отваживался заглянуть внутрь. Но теперь, больше для очистки совести, я договорился с сомнениями и согласился наведаться и сюда: а вдруг там подскажут, где этот несчастный корп. 14, лит. Ж?

Стоило мне войти внутрь, как все семь мордovorотов, сидевших на вахте, заметно переполошились и приняли оборонительно-выжидательную стойку. Я задал свой вопрос, на что получил довольно грубый по тональности ответ: «А тебе-то че?» Начиная уже догадываться, что мне сюда, я доложил, что так и так, мол, на работу пришел, к Козырю Гарику Валентинычу, тот должен быть в курсе, вот мне чего. «А ты че, пешком, что ли?», – недоверчиво вглядываясь в меня и в отсутствие любого автомобиля в окне, заговорил их главный, во всяком случае, самый массивный амбал. Я отчего-то

присочинил, что просто у моего мотора какая-то хроника с мотором, не вылезает из ремонта, так что да, я пешком, простите, пожалуйста. «Так новую надо брать, и все», – научил меня один из охранников, с чем я поспешно и согласился, подумывая, что придется, видимо, начать пользоваться своими правами, сперва отыскав их в шкафу, и с первых заработков задуматься о покупке какой-нибудь развалюхи, раз уж пешком сюда не принято.

Охранники меж тем долго всматривались в какие-то списки, изучая спущенные сверху бумаги, вот только никак не могли отыскать среди них ни одной такой, где фигурировала бы моя фамилия. Наконец-то самый молодой, начинающий еще охранник, крайне простодушно проговорился: «Извини, братан, но у нас тут строго все, не положено без пропуска пускать...» В очередной раз уже обрадовавшись, что, видать, не судьба, а потому можно все-таки ступать домой, поскольку теперь-то я уж точно сделал все возможное, я уже поворачивал на выход, невольно примечая обращающую на себя внимание голубоглазую брюнетку, не испытывающую ни малейших сложностей с прохождением проходной, когда именно она, перекинувшись парой фраз с мордоротами, вдруг окликнула меня:

– Никита Никольских?

– Никольский, – поправил я.

Голова 08. Афина

Наше знакомство началось с ее извинений. Миловидная девушка, вытащив меня из компании камуфлированных с ног до головы стражников на территорию предприятия, сразу же кое в чем созналась. С ее слов выходило, что именно она и повинна в том, что у меня возникли сложности со входом в РЦСЧОДН, так как вся ответственность за циркуляцию бумаг из здания до проходной и обратно лежит на ней. Вот только в прошлую пятницу, замотавшись и закружившись, она совсем позабыла донести туда бумагу, включающую мне зеленый свет. Я в ответ поспешил успокоить ее, заверив, что из подобных ситуаций в основном и состоит моя жизнь, а потому особенных неудобств не испытал и зла не держу, про себя еще подумав: разве можно держать зло на такую милашку? Девушка облегченно улыбнулась.

Пока мы направлялись к зданию РЦСЧОДН, я имел возможность изучить окружавшее меня пространство первым, самым верным взглядом. Надо сказать, оно, пространство, производило престранное впечатление. От проходной до здания было метров триста ходу, но странность выражалась вовсе не в этом: здание из того же красного кирпича стояло ровно посреди площади, образованной периметром забора, словно застыв в пустоте – больше никаких построек на территории не обнаружилось. Поэтому, возможно, трехэтажное

строение напомнило мне одно из тех аристократических английских поместий, виденных в разных фильмах. Добавляло сходства и то обстоятельство, что здание было густо увито какими-то декоративными лианами, что делало мои вечерашние размышления о возвращении в джунгли еще более обоснованными.

Отличие же заключалось в том, что вместо ухоженного сада это поместье со всех сторон обступала асфальтовая пустошь – метров по триста во все стороны, что заставляло задуматься уже о сходстве с крепостью. Таким образом, первым сюрпризом стала на редкость иррациональная планировка пространства РЦСЧОДН: по большому счету на данной площади можно было бы возвести с десятков подобных строений, но в этом, по всей видимости, не возникало необходимости.

Еще подходя к красному дому, я заметил по правую руку от здания целый автопарк из автомобилей самых престижных марок. Некоторые из них я видел только на фотографиях с последних зарубежных автосалонов, даже и не предполагая, что их завозят в нашу страну в принципе, тем более в столь сжатые сроки. Я поделился своими наблюдениями с провожающей меня девушкой, на что она отвечала, что и сама до сих пор не привыкнет ко многим чудесам и чудачествам, имеющим место в РЦСЧОДН, потому как работает здесь немногим больше месяца. Спohватившись, видимо, что позабыла не только подать бумагу о моем визите на про-

ходную, но и представиться, она протянула ручку в изящной перчатке и назвалась:

– Афина, – своим мелодичным голосом произнесла она.

Я отчего-то не сразу смекнул, что это имя, но все-таки сообразив, пожимая ее ручку в ответ, отчитался в том, что я Никита, вспоминая тут же, что это ей уже известно. В ту минуту мне сделалось несколько неудобно за свое простое-крестьянское имя, которым могут назвать вообще кого попало; тогда я надумал сделать ей комплимент, говоря о том, что ее имя, весьма необычное для наших широт, очень и очень порадовало и впечатлило. Она вновь загадочно улыбнулась, а я догадался, что только что, конечно, стал стопятисотым, кто польстил ей подобным образом. Могу однозначно сказать, что как-то сразу я проникся симпатией к этой девушке, чему способствовала и общая ее приятность, и умение принести извинения не пойми за что, а уж имя...

Приближаясь к стеклянной входной двери, мы болтали про проделки погоды; Афина, порывшись в сумочке, уверила, что если без машины попасть сюда не так уж и сложно, то без такого вот специального кругленького ключика – это совершенно невозможно. Так мы поднялись на второй этаж, она проводила меня к административному отделу; там, как я понял с ее слов, мною должен был теперь заняться некий молодой специалист, главный по приему на работу. Афина оставила меня у двери и побежала по делам, пообещав, что мы еще обязательно встретимся.

Заглянув за дверь, я нашел кабинет пустующим, а потому решил переждать в гостевом кресле. На журнальном столике, как и положено, лежали журналы; взяв один из них, я прочитал, что он полностью посвящен новинкам мобильного рынка – это меня не заинтересовало. Остальные журналы оказались прошлыми номерами того же издания, и потому, от скуки, я принялся тщательно осматривать кабинет, обращая особое внимание на гигантского размера монитор компьютера. Затем взгляд остановился на календаре уже будущего года с фирменным логотипом РЦСЧОДН, где заглавные буквы были выделены красным, а остальные, поменьше, цветом, не поддающимся классификации. Тогда-то я и узнал расшифровку этой аббревиатуры.

Так вот, выяснялось, что РЦСЧОДН – это не что иное как «Расчетный Центр Сравнительно Честного Отъема Денег у Населения». Пока я переваривал интересную информацию, в кабинет вошел какой-то долговязый старик и, заметив меня, спросил:

– Ааа... Никита Парамонович, должно быть? Как же, как же, все утро вас дожидаюсь, – и, протянув руку для рукопожатия, представился, – Молодой Степан Серафимыч.

Привстав, я поздоровался в ответ. Молодой же, проворно устремившись к столу, отыскал на нем две какие-то заготовленные бумаги и деловито протянул их мне, предлагая ознакомиться с содержанием и подписать, после чего уже можно будет приступить к остальным формальностям.

Бумаги оказались договорами. И если первый из них – «о неразглашении информации» – не содержал никакой уникальной информации, то второй заставил крепко призадуматься. Никогда прежде не доводилось мне сталкиваться с договором «о непротивлении злу», так что этот документ я рассматривал до неприличия долго. Находя его, кстати, даже во многом остроумным, я поставил автограф и под данным документом, хотя меня и порывало задать Молодому каверзный вопрос, а что, собственно, считать злом, поскольку внятного определения этого понятия, как и конкретных примеров, в договоре не значилось. Примечательной особенностью являлось и то, что мне экземпляр договора не полагался.

– Ну-с, продолжим, – заговорил Молодой, стоило мне подписаться. – Меня за вас сам Козырь попросил, чтобы я доступно изложил суть дела. Без Козыря сюда, правда, и муха не залетит, случайных людей у нас здесь нет, поэтому я, старый кадр, и в одиночку управляюсь с функцией отдела кадров. Дело это не хитрое, а мне на старости лет тоже копеечка пригодится... До этого вообще вон года два почти никого к нам не брали – не было-с необходимости. А тут за последний месяц аж троих уже набрали, включая вас... Меняемся!

Прежде чем начать рассказ о моих обязанностях в РЦС-ЧОДН, Молодой, откатившись на стуле с колесиками к сейфу, вынул оттуда почтовый конверт и протянул его мне. В конверте, судя по характерному шелесту и указанной ручкой шестизначной сумме, находились деньги. «Это так, зада-

ток», – небрежно бросил Молодой, хотя обозначенная сумма составляла в среднем полугодовую мою зарплату на прежних работах. Это здорово подкупало.

И вот Молодой, вальяжно закинув руки за голову, вполне свободно распространялся об удивительной миссии «Расчетного центра», рассказывая, что РЦСЧОДН – это старая система государственно-частного партнерства, активно действующая по всей стране, и не только нашей, и занимающаяся изъятием денежных излишков у населения, с последующим перераспределением среди «настоящих людей». Для этого на первом этаже плодотворно заседает теоретическая группа. Тамошние специалисты изучают «пределы терпения населения», а также «прорабатывают перспективные темы», поскольку прогресс не стоит на месте, а методик и практик изъятия заначек становится год от году все больше и больше.

Зачем это нужно? Все просто. Давно уже научно доказано, что чем выше благосостояние населения, во всяком случае, в нашей стране, тем больше у народа возникает всякого рода капризов, желаний жить еще получше, а отсюда и вредные порывы, вроде сменить бы власть, поставить ее на контроль, заставив быть подотчетной и управляемой. А вот этого-то допустить никак нельзя! Конечно, определенная масса таких смутьянов была, есть и будет всегда, но задача РЦСЧОДН заключается как раз в том, объяснял мне Молодой, чтобы масса эта не становилась критической. Ну что тут непонятного: пока основная часть населения занята делами насущ-

ными в режиме выживания – поиском денег на завтра, на новый обязательный учебник для детишек, погашением кредитных займов и т.д.д.д.д.д. – держава будет стоять, как стояла веками, ибо на том и стояла.

– Но ты будешь заниматься практикой, – не стал развивать тему Молодой, безболезненно переходя на «ты», потому как я уже безвозвратно становился своим в доску парнем, посчитав, видимо, что можно не продолжать сыпать примерами, и без того уж все очевидно.

Затем мне было предложено на выбор несколько направлений, которыми я в теории могу заниматься практически.

– У нас тут на этаже четыре отделения, на первом, как я уже говорил – теоретики, все дипломированные социологи, тебе это не подойдет, а на третий этаж нужен особый допуск, туда пока рановато. В общем, подумай-ка, в каком направлении тебе будет сподручнее работать: «уличные лохотроны», «автомобильные подставы», «мобильное разводко» или «ЖКХ-технологии».

Не могу сказать, что я был в восторге от любого из этих предложений, понимая, что везде, судя по всему, предстоит заниматься сомнительной деятельностью, не слишком близкой моему мировоззрению и всему предшествующему жизненному опыту. Однако отступать было некуда, договор уже подписан, а ситуация обязывала к выбору из озвученного перечня. Проговорившись, что имел некогда опыт работы продавцом-консультантом в салоне сотовой связи, я остано-

вился на «мобильном разводко», хотя и честно признал, что имею достаточно смутное представление о таких вот разводко.

Пообщавшись с Молодым еще минут десять и открыв для себя много нового, пусть о многом из этого нового давно догадывался, я выразил готовность приступить к работе.

– Тогда пойдем, покажу тебе рабочее место, заодно и с Минором Камонычем зазнакомлю, он там за старшего, – поманил меня Молодой.

И мне не оставалось ничего, кроме как поманиться.

Голова 09. Mobile razvodko

Молодой уводил меня вглубь по коридору, открывая следующие двери и тайны дома, в котором сравнительно честно отнимают деньги у и без того не особо богатого населения. Вот мы миновали дверь, на которой я успел прочесть табличку «GKN-technologies», затем еще какую-то, я не сумел разобрать надпись – Молодой оказался крайне шустрым стариком, а потому мне приходилось даже поспевать за ним. Так мы добрались до деревянной двери с золотистой табличкой «Mobile razvodko». Это невольно наводило на мысли, что отечественная страсть подражать во всем Западу, похоже, неискоренима, вот и здешние офисеры не избегли подобного подражательства, хотя, как известно, на уровне риторики Запад в таких кругах принято всячески осуждать, отзываясь о нем нарочито снисходительно, а впрочем, как и о Востоке. Вспомнилось отчего-то, как моя же бабуля на днях страшила ссылкой в туманы Лондона, если я вдруг послушаюсь ее мудрого совета работать в РЦСЧОДН.

В ту минуту Молодой, поведенчески преобразившись в услужливого дворецкого, наигранно распахивал передо мной дверь в странную действительность, куда я, перетапываясь, и вошел. На меня тут же уставились разнообразные лица будущих коллег, по которым легко угадывалось, что к незнакомцам здесь не привычны, да и в целом это явно не

то место, где встречают посторонних или же ждут своих постоянных клиентов.

– Прощу любить и жаловать – это наш новый разводящий, Никита Никольский, – громогласно, по-гусарски, выкрикнул Молодой.

Откровенно говоря, сочетание слов «Никольский» и «разводящий», в такой пикантной близости друг к другу, – изрядно резануло слух. Всю жизнь я сам, как мне всегда почему-то казалось, был «разводимым», а тут, выходит, буквально в считанные часы после пробуждения выбился в «разводящие», уже получив за что-то набитый купюрами конверт.

Помню еще свои первоначальные опасения, что придется теперь усиленно отрабатывать эти вложения по полной программе, занимаясь отъемом у населения мобильных телефонов, с последующей перепродажей краденного на блошином рынке, потому как в моем персональном словаре глагол «разводить» устойчиво увязывался с бегаящими глазами, дрожащими руками и неожиданно резвыми ногами уличных предпринимателей.

Однако манеры и одежды новых коллег быстро убедили меня в том, что здесь сконцентрирован совсем иной тип разводящих. Коллеги, вскакивая с рабочих мест, дружно жали мне руку, раскрывая свои имена. На ум даже пришла догадка, что рукопожатие носит здесь характер не столько приветственный, сколько корпоративно-ритуальный. Предсказуемо случилось именно то, чего я побаивался накануне: не менее

половины из человек пятнадцати оказались Сашами и Лешами, а потому мне было весьма затруднительно в них сориентироваться. Среди дюжины парнишек-мужичков, годиков от 23 до 34, присутствовали и три дамы той же примерно возрастной группы, но лишь одну из них на первый взгляд я счел во многих отношениях интригующей.

Сам кабинет представлял собой вытянутую от двери до окна комнату, вдоль стен стояли друг против друга столы, а уже на них – прекрасные и могучие мониторы ручной работы. Мне указали на рабочее место, которое сразу показалось несколько искусственным и надуманным, будто бы спешно созданным специально под меня: уж слишком вплотную к дверной стене стоял стол. И только увидев аналогичный стол и с противоположной стороны стены, я отринул это подозрение.

Почти тут же из соседней комнаты высунулось хмурое бородатое лицо раздраженного мужчины лет сорока пяти, отреагировавшего на суету, вызванную моим появлением; тот призвал всех к порядку. Приметив Молодого, а затем и меня, он уловил причину оживления и пригласил пройти в свой отдельный от остальных кабинет, расположенный в боковой комнате, ближе к окну. Я почему-то сразу оценил свое положение в ряду столов – ближе всего к двери и дальше всего от шефа.

Молодой тогда напутственно похлопал меня по плечу, шепнув, чтобы я был поаккуратней с Минором Камоньчем,

а то мужик он, конечно, хороший, но уж больно нервный сделался от работы. Я прошел в кабинет Камоныча; тот, нехотя подняв на меня глаза, немедленно вернул их обратно в монитор, всем видом сожалея, что вынужден будет уделить мне часть своего драгоценного времени.

«Ну что тут скажешь: дел у нас много, а времени совсем мало», – тут же порадовал шеф. Я с непритворным интересом слушал установку, вглядываясь в его примечательную наружность: физиономией Минор Камоныч походил на молдованина, что, в сочетании с огненно-рыжей шевелюрой и бородой, создавало весьма причудливый эффект. Позже один сплетник проговорился мне, хотя я и не спрашивал, что Минор был единственным сыном румынской беженки и ирландского дипломата... именно этим обстоятельством сплетник объяснял жгучий патриотизм Минора Камоныча, а также высокую сознательность в деле спасения нашей страны через изъятие денежных излишек у народонаселения.

Тем временем Минор разъяснял мне основы: что «мобильное разводко» – это широкий комплекс понятий, связанных с отъемом денег у населения, пользующегося мобильной связью, то есть почти всех. В круг этих понятий входят такие промыслы как рассылка смсок, при открытии которых у граждан списываются незначительные суммы, однако масса таких смсок в течение одних только суток самым замечательным образом превращает доходную сумму в значительную; это также и звонки родственникам от лиц, гово-

рящих путаными голосами, будто они попали в беду, из которой их может выволить только срочное пополнение мобильного счета или подвоз денег по определенному адресу – старая схема, но по-прежнему рабочая... Ну и одна из новинок последних сезонов – установка по городу мобильных терминалов-однодневок, весьма прибыльная, пусть и более дорогостоящая и хлопотная процедура.

Лекция шефа длилась не более трех минут. Он явно нервничал, куда-то поторапливался, постоянно поглядывая на часы, а потому не удосужился поинтересоваться ни моими жизненными взглядами, ни политическими или религиозными убеждениями, равно как и попросту профессиональным опытом, сообщив, что всю необходимую для работы информацию я могу почерпнуть из методички, которая лежит на моем рабочем столе. «В компе, разумеется», – добавил он, после чего и сам погрузился в комп, как бы позабыв о моем присутствии. Так до меня дошло, что на этом инструктаж окончен, стало быть, можно приступать к выполнению своих обязанностей, о которых мне по-прежнему оставалось только догадываться.

Весь свой первый рабочий день я провел за изучением методички, не без удивления узнавая, что и сам все эти годы был объектом такого вот «разводка»: с моего счета тоже периодически списывались небольшие суммы; мне также звонил как-то дерганый в голосе мужик, представлявший-ся моей троюродной тетей, просившей срочно закинуть ей

денег на телефон, плохо подделывая свой мужской голос в женский, но откуда-то знавший имена и адреса; и да, бывало, что я закидывал деньги на телефон через терминал, но никуда они так и не приходили. Теперь-то я понимал, что все-таки приходили, просто поступали сразу на счет «Расчетного центра».

В конце дня один из моих новых коллег и вовсе озадачил. Коллега по имени Alex попросил посмотреть мою мобилу, и я без всякой задней мысли предоставил ее; тот, хоть и несколько возмутился тому, что моя модель уже прошлого сезона, набрал на ней какую-то комбинацию клавиш, а затем перезагрузил аппарат и вернул его. Сняв блокировку, я не узнавал своего телефона – дело было в полной смене стиля меню. На это я спросил коллегу, а в чем, собственно, подоплека поступка? И тот торжественно заявил, что только что я прошел обряд инициации в настоящие разводящие, а мой телефон, как и я, отныне перестал быть «разводным», угодив в белый список «неразводных».

Так я и стал неразводным.

Голова 11. При делах

Даже отработав на работе полную неделю, пожалуй, я так и не смог бы ответить убедительно на пару невинных вопросов: кем работаю и чем занимаюсь.

Как и мои коллеги, по должности я числился «разводящим менеджером». Поначалу я полагал, что раз уж отныне я «разводящий», то в мои обязанности должны входить такие функции как рассылка разводных смс посредством хитроумного программного обеспечения, или же установка по городу лже-терминалов, но уже к вечеру второго трудодня я отчетливо уяснил, что от меня не требуется ровным счетом ничего. Что нужно просто приезжать в офис к 11:00, да и это скорее лишь рекомендация, а не требование; приезжать, чтобы как-нибудь развлекаться, потом сытно и бесплатно обедать в столовой; затем снова чем-то себя занимать, а уж в 17:00 уезжать из офиса куда подальше, дабы проводить досуг в иных развлекательных местах, спуская на ветер внушительную зарплату. Мои коллеги, во всяком случае, насколько я понимал из их разрозненных разговоров, поступали именно так.

Помнится, на первых порах я все порывался «что-нибудь сделать», поскольку высиживание на стуле за компьютером не слишком-то меня устраивало, даже имея в виду максимально комфортные для высиживания условия и самую су-

щественную в моей жизни зарплату. Когда же я пробовал делиться с коллегами своими соображениями на этот счет, те призывали меня «ваще не париться», так как «внутренние менеджеры все сделают». Сперва я предполагал, что «внутренние менеджеры» – это некая изошренная духовная техника, позволяющая достичь того состояния ума, в котором все происходит правильно само по себе, без особых усилий и напрягов. Вскоре, впрочем, выяснилось, что имеется в виду нечто совсем другое.

На самом деле «внутренними менеджерами» в нашей среде политкорректно называли заключенных исправительных учреждений, которые и выполняли всю рутинную работу, то есть занимались рассылкой смс и телефонированием, а их ненадолго вышедшие на волю собратья устанавливали по городу левые терминалы-однодневки. В наши же обязанности входила только одна функция – следить на специальном сайте за динамикой пополнения счета «Расчетного центра». Если эта динамика не устраивала, то можно было даже проявить ненаказуемую инициативу и позвонить Шершавому или Поребрику в «Kresty» – тамошним представителям РЦСЧОДН, чтобы они пошевелили внутренних менеджеров, сделав соответствующие внушения.

К слову, и этими вопросами на практике заведовал Минор Камоныч, у которого, в отличие от нас, – судя по его постоянному участию во всяких совещаниях, поездках в «Kresty» и непрерывным телефонным переговорам, когда он появлял-

ся в офисе, – работы было по горло. Мы же, «разводящие менеджеры», повторюсь, по факту не делали категорически ничего. В такой вот атмосфере лени и праздности подошла к концу моя первая трудонеделя. И хотя поначалу меня почти тошнило от безделья, вскоре я пришел к утешительному выводу, что могу весьма просторно заниматься еще и делами проекта «Купи у нас», наполняя сайт содержимым, что на время примирило меня с непривычной реальностью.

В те странные первые дни я еще пробовал, что называется, «вжиться в коллектив», то есть общаться со своими коллегами и находить актуальные темы для разговора, пытаюсь выделить из общей массы Саш и Леш, несколько наиболее близких и симпатичных мне Саш и Леш. Но вскорости стало очевидно, что и в этом необходимости также нет, как нет и никакого – в обычном понимании слова – коллектива. Только со временем я разобрался, в чем тут дело.

А дело было в том, что случайные люди с улицы, как и анонсировал Молодой, в РЦСЧОДН и вправду не работали. Все здесь были сыновьями, дочерьми или, в крайнем случае, племянниками и внуками авторитетных артистов, прославленных чиновников или «бизнесменов от бога». И именно «Расчетный центр» по каким-то причинам взял на себя миссию трудоустройства отпрысков влиятельных и знаменитых, поскольку и тем ведь тоже нужно где-то работать, куда-нибудь да ездить, но при этом таким образом, чтобы и не работать одновременно, реализуя жизненную установку «ваще

не париться». То есть РЦСЧОДН стал для многих классической синекурой, давая возможность посидеть в офисе, побыть вроде бы при делах, в то же время никого и ничем не утруждая, выдавая к тому же на руки приличные наличные. Интерес «Расчетного центра», по всей видимости, заключался в ответной лояльности всех этих чиновников и бизнесменов, что, зачастую, конечно, одно и то же. Не исключаю, что на самом деле чиновники-бизнесмены сами же и платили зарплату своим верным сынам, хотя на счет своей бабушки я мог быть спокоен, будучи уверенным, что едва ли она станет нести расходы по выплатам зарплаты из своего кармана.

Уж больно больно врезался мне в память один эпизод из прыщавой юности, когда, гуляя с нравившейся мне тогда девчонкой, я заглянул к Нине Иоанновне, чтобы попросить денег на кино, поскольку мы прогуливались неподалеку от ее особняка, а я к тому времени уже наобещал той девчонке, что мы сегодня же сходим в кино, хотя сам и не располагал достаточной денежной массой для такого поступка. Вот только она, бабушка, невиданно разъярившись, выставила меня за порог, негодуя и вопрошая, где это я такой наглости набрался, чтобы просить у нее денег, пусть и смешных. После того памятного для меня случая, я скорее взял бы заем под чудовищный процент в банке, нежели обратился бы с любой деликатной денежной просьбой к Нине Иоанновне, испытывая я даже самую удручающую финансовую грусть.

Так вот, возвращаясь к нашим разводящим, не стану кри-

вить душой и утверждать, будто обстановка в коллективе сложилась напряженная, натянутая или сколько-нибудь враждебная, напротив: все было предельно чинно, мирно и сонно. Атмосфера устоялась скорее снобистская, проникнутая показным пофигизмом и демонстративной дистанцированностью: коллеги мало общались со мной, да и между собой тоже. Вскоре я догадался, что все тут чувствуют некое превосходство друг над другом: у кого-то папаша занимал более высокую должность в нефтегазовой иерархии, кому-то были подарены более крутые автомобили, кому-то апартаменты-мансарды... На этом фоне я смотрелся бы до безобразия скромно, попытайся потягаться со своими коллегами в подобных категориях, и все же и у меня имелась одна маленькая причина чувствовать превосходство.

Ощущение превосходства мне давало хотя бы и то незначительное обстоятельство, что я был единственным, кто ежедневно прочитывал свежий номер «Блатной правды» от и до. Надо сказать, что чтение «Блатной правды» («БП») стало излюбленным моим времяпрепровождением в офисе. Признаться, я всегда питал некоторую слабость к разного рода периодическим изданиям, а потому даже неплохо ориентировался в этом, однако еще никогда не доводилось мне быть читателем «БП»...

И неудивительно, ведь издание распространялось только в государственных и придворных структурах, и насколько мне стало известно позже, весь тираж издания уничтожался

тем же вечером, в день выпуска, во избежание утечек. Так или иначе, «БП» являлась ко мне ежедневной газетой одно-разового использования: каждое утро, приходя на работу, я с удовольствием отмечал, что свеженький выпуск «БП» уже аккуратненько лежит на краю стола. Так вот, я был единственным, во всяком случае, в своем отделе, кто со всей почтительностью и любознательностью вычитывал всю газету; остальные лишь изредка пробегались глазами по заголовкам. Почему же это было столь интересно?

Если обычные СМИ публиковали в основном очевидное и ребенку вранье и всякую отвлекающую чепуху и развлекуху, то здесь печатали именно что правду, а поскольку любая правда не может быть достоянием широкой общественности, то и тираж «БП» отличался умеренностью, рассказывая правду только тем, кому положено и позволено знать о реальном положении вещей. К примеру, когда все СМИ хором сообщали, что инфляция в текущем году составляет всего 6,6 %, пускай некоторые особо смелые издания и телеканалы осторожно и давали полунамек, что, может быть, в каких-то депрессивных регионах все-таки чуть-чуть побольше, то в «БП» писали прямо: инфляция составила 16,66%. При этом подобная новость не трактовалась на страницах «БП» как «плохая», не называлась «неудачей правительства», напротив, новость была исключительно положительной, ведь денег у «лохов» стало еще меньше, но все-таки и не настолько, чтобы оно, народонаселение, хваталось за вилы или пух-

ло с голоду – ювелирная работа.

Или вот еще пример: когда где-нибудь на юге нашей страны случалась очередная перестрелка с трупами, а случалась она там почти каждый день, то традиционные СМИ скучно рапортовали, что уничтожено, дескать, 20 боевиков, при штурме погибли трое силовиков, выдавая эту новость за хорошую и подавая материал так, что складывалось впечатление, будто хорошие южане убили плохих, то есть добро учинило кровавую расправу над злом. В «БП» же на это просто сухо констатировали, что в давешней стрелке со счетом 20:3 клан Тудаевых перестрелял Сюдаевых, а посему Тудаевым отходит центральный пакет акций сети чебуречных в городе N и 20 % акций от кирпичного завода в славном городе M, если Сюдаевы, конечно, в самые скорые сроки не возьмут убедительный реванш.

Читая «Блатную правду», я то и дело встречался с такими терминами как «лохи», «полулохи» и «нелохи». Спустя некоторое время я пришел к мнению, что под «лохами» подразумевается основная часть населения нашей страны; те самые граждане, которые живут от зарплаты до зарплаты, то есть от случая к случаю: всегда и во всем себе отказывают, извечно сидят в долгах, ведя отчаянную борьбу за печальное существование. Но именно они, как ни странно, являются главным ресурсом этой страны, принося денег в казну побольше даже, чем экспорт газа, нефти или зерна. Ведь именно «лохи» каждый раз соглашаются платить за все – все боль-

ше и больше, не задавая лишних вопросов, а просто молча отдавая почти все, что есть у них самих. Кстати, наша страна в «БП» именовалась исключительно «этой страной».

«Полулохи» – это преимущественно городская категория людей, представители которой могут позволить себе немного шикануть, изредка приобретая даже недорогие авто или отдыхая на зарубежных пляжах. Многие «полулохи» смутно подозревают, что их дурят и обирают, однако и «полулохи» на все согласны, цепляясь за свое хрупкое благополучие, а потому неудобных вопросов тоже не задают, достаточно безболезненно переходя в касту «лохов», если это «нужно Родине»

«Нелохи», или чаще «люди» – та небольшая прослойка населения, которая, собственно, живет. Именно «люди» выбирают президента, пользуются конституционными правами и давным-давно сложили с себя все обязательства перед обществом, то есть пресловутыми «лохами» и «полулохами». Еще одна особенность «людей» заключается в том, что живут и работают они пока «здесь», но мыслями в принципе уже давно «там», в тех самых официально презренных Miami и Riviera.

Стоит признать: благодаря чтению «БП» я открывал для себя множество любопытнейших вещей; нередко, впрочем, просто получая подтверждения тому, о чем давно следовало бы знать каждому. В частности, я не раз спорил с истеричными историками на предмет «крепостного права». И если

историки утверждали, что якобы право это отменили еще в одна тысяча восемьсот шестьдесят всем известном году, то мне же всегда почему-то казалось, что все это не более чем красивое предание для лохов. Крепостное право на самом деле, конечно, никто и не думал отменять, да – произвели шумную смену вывески, сохранив старые добрые традиции и обычаи: есть «помещики» и есть «крепостные», и пока первые поживают нарядно и проводят время утонченно и благородно, вторые вкалывают на них и вполне счастливы тем редким дням, когда их не секут и не бранят. Соотношение же «помещиков» и «крепостных» в историческом времени если и меняется, то совсем незначительно, хотя и «помещикам» приходится идти в ногу со временем, называя себя в каждой эпохе по-новому.

Только теперь я начинал понимать, что каким-то образом за одну неделю перескочил из унылых «лохов» – хотя по некоторым признакам все же был «полулохом» – в «нелюхи». Только теперь я сознавал, что конкретно имела в виду моя бабуля, говоря, что пора мне «человеком становиться». Уверен, что иной гражданин в схожей ситуации быстро почувствовал бы себя очень особенно, окончательно разрывая связи с цепями прошлого: мол, теперь-то я «нелох», то есть все-таки «выбился в люди», став человеком первого класса. Скажу откровенно: за собой никаких непоправимых перемен не замечал; наверное, моим противоядием являлась трезвая констатация, что сам я лишь типичный представи-

тель того самого народа, который, согласно собственноручно подписанному годовому трудовому соглашению, должен был теперь «разводить». И все для того только, чтобы иметь хоть какой-то шанс развить свой собственный маленький бизнес, успев вовремя соскочить с блатной иглы... Пойдя таким образом на сделку с совестью, я старался думать об этом как можно меньше, оправдывая себя популярной в том же народе присказкой про «хочешь жить – умей вертеться».

И закрывая тему нашего разводящего коллектива: когда я пробовал все-таки пообщаться с коллегами на отвлеченные темы, вроде нового альбома старой музыкальной группы или вчерашних сенсационных результатов в Формуле-1, то реакция неизменно оставалась достаточно прохладной, чтобы у меня напрочь отпало желание предпринимать последующие попытки в поисках общего. Единственная тема, на которую мои коллеги всегда высказывались охотно – это обсуждение последних моделей «Кайфонов», их прошивок и приложений, причем некоторые из коллег настолько прочно ассоциировали себя со своим девайсом, что складывалось стойкое ощущение, будто каждый из них самостоятельно смастерил свой персональный «Кайфон», после чего еще и наладил массовую сборку, организовал сбыт и обеспечил спрос.

И все же, как водится, нашелся в отделе один человек, с которым у меня установились отношения другого рода. И это была она, чем-то интригующая девушка, которую я отметил еще при первом своем появлении в отделе. Вот только когда

на меня вываливались новые имена во время моей презентации, то я либо не расслышал ее имени, то ли она просто мне и не представлялась. Зато сидела эта девушка тоже ближе всего к двери, точно напротив меня. Я заметил, что, когда я читаю «БП» или смотрю в монитор, она осторожно переводит взгляд на меня, когда же при этом я переводил взгляд на нее, то она мгновенно уводила глаза в свой монитор. Это длилось уже достаточно долго, чтобы счесть неприличным. Наконец, выждав момент, когда мои коллеги дружно убежали на самый смак рабочего дня – бесплатный и вкусный обед, я несколько задержался, отметив, что и она не спешит покидать рабочее место. Тогда, подойдя к ее столу и, как здесь и принято, протягивая руку, полушутя я представился повторно.

– Моника, – мило улыбнулась она.

Голова 13. Хорошо

Субботним утром я был разбужен солнцем, доставшим меня сквозь окна своими лучами, поскольку накануне, вымотавшись от безделья рабочей недели, так и не удосужился задернуть шторы. Повалевшись в постели где-то с полчаса, я все-таки побрел на кухню завтракать чаем и чем-нибудь еще, попутно обдумывая: идти ли или не идти в кино, как я и запланировал на неделе. Той осенью, усилиями заморских синематографистов, в старый свет вышел крайне новый фильм, приводящий в восторг широкие массы; и даже массы критиков, больше всех смыслящих в киноискусстве, отнеслись к данной картине достаточно некритично и дружелюбно.

Уже многие годы я ходил в один и тот же кинотеатр, расположенный в центре Сэйн-Питерсбурга, хотя с годами, в силу разных причин, вырваться удавалось все реже. За это время уже и в моем угловом районе возвели великое множество кинозалов, более удобных, современных и разрекламированных, и все же я оставался верен старенькому кинотеатру в центре, всего-то с пятью залами, рядов по двадцать в каждом.

Собравшись с мыслями и вещами, я прибыл к кинотеатру минут за пятнадцать до первого на сегодня показа нашумевшего фильма. Купив билет, я прошел в зал, где было еще практически безлюдно – до сеанса оставалось минут десять.

Почитав буклет и посмотрев анонсы грядущих жутковатых кинокомедий и уморительных ужастиков для всей семьи, я принялся развлекаться изучением входящих в зал киноманов, не ожидая, чего уж, увидеть никого особо хорошего.

Однако, к моему смятению, там намечался практически максимально возможно хороший сценарий, как если бы я стал режиссером-постановщиком собственной жизни. В ту секунду, когда вошла эта девушка, в зале погас свет. Я же, отдавая дань давней традиции, сидел на излюбленном пятнадцатом ряду. Верхние ряды от пятнадцатого до двадцатого были уже порядком заполнены, а потому я как-то сомневался, что она двинется наверх, но нет, она восходила до тех пор, пока, не застыв на уровне пятнадцатого ряда, подсвечивая мобильным номера мест, не продолжила плавное приближение ко мне.

Нужно ли говорить, что в итоге все вышло хорошо: она заняла место через кресло от меня, а поскольку соседнее, как по волшебству, пустовало, я дал о себе знать, приглашая ее заполнить эту вакансию. То была та самая девушка, которая вытащила меня из проходной в первый мой рабочий день в РЦСЧОДН – Афина. Признаться, так она мне запомнилась, что несколько раз я вполне умышленно выходил из кабинета в коридор, якобы размять ноги и пройтись, а на самом деле рассчитывая увидеть ее. Вот только всю неделю ее что-то совсем нигде не было видно, в той же столовой, где в обеденный час обычно собирались все, кроме нее, что каждый

раз несколько омрачало мне праздник приема пищи. И это учитывая, что в столовой РЦСЧОДН кормили как в приличном ресторане, за той лишь разницей, что все-таки еще и бесплатно.

– Вот так встреча! – воскликнула Афина, узнавая меня.

До сеанса оставались считанные минуты, что заставило меня спросить напрямик: «где же ты была?» Афина отвечала, что найти ее легко и просто, так как работает она в первом же кабинете второго этажа, сразу после стойки ресепшна, в кабинете офис-менеджера, занимаясь разносом бумаг и прочими побегушками, но на минувшей рабочей неделе малость приболела, потому-то я и не имел возможности ее наблюдать. Тогда я задался вопросом: а зачем вообще в РЦСЧОДН ресепшн, если посторонние в здание зайти не могут? Афина затруднилась ответить, предположив, что для того, видимо, чтобы соблюсти некие корпоративные стандарты, в это время начался показ.

Фильм оказался действительно весьма хорош; я вполне понимал, почему он так приглянулся широким массам – от критиков до кретинов, ведь в нем показали все, что нужно благодарным зрителям: и кровь, и любовь, и погоню с интригой, и трогательную развязку со счастливым концом. Пока мы направлялись к гардеробу, я поинтересовался ее впечатлениями от увиденного. И – это важно, я был поражен, насколько мнение Афины совпало с моим собственным. А сказала она примерно следующее: что фильм, нет слов, прекра-

сен в технической реализации, отличная работа актерского состава, крайне качественная постановка картинки, а все же, что ни говори, пустовато в смысле содержания. К тому же это практически полная идейная копия одного полузабытого фильма из шестидесятых годов прошлого еще века, а потому все эти восторги и ахи раздаются от тех, кто не видел фильма-первопроходца, где упор был сделан на раскрытие идеи, а таких зрителей, не видевших и не знающих оригинала, подавляющее большинство, во всяком случае, у нас.

Понятно, после таких метких слов – а я тоже весь фильм ловил себя на мысли о кальке с того старого фильма – я не мог не попробовать пригласить ее на полчаса на чашечку кофе в близлежащую кофейню. Она согласилась. По пути к кофейне я отметил, что, Афина, кажется, не слишком хорошо ориентируется в городе, с живым вниманием рассматривая те здания, места и мосты, которые я лично видел уже тысячи раз, а потому давно перестал замечать.

– Ты приезжая, что ли? – деликатно поинтересовался я, стараясь не делать сильный акцент на слово «приезжая», дабы, еще чего, ненароком не обидеть.

Афина отвечала, что так оно и есть, что в Сэйнт-Петербурге она живет всего-то месяца полтора, и, как только окончила свои институты где-то на севере, ее папаня, какой-то хозяин медной горы, выгодно распродающий ее недра, отправил любимую дочь поближе к цивилизации, пристроив во все тот же РЦСЧОДН. После чего Афина пожаловалась,

что город ей, само собой, очень нравится, вот только у нее еще совсем нет здесь друзей, что огорчает. В ответ на это я заверил, что как минимум один друг у нее уже есть.

Получасовое кофепитие естественным образом переросло в трехчасовое. В тот хороший день нам нашлось, что обсудить, поскольку многие увлечения совпадали буквально, а в таких случаях беседы имеют свойство затягиваться, в результате чего на дне чашки все равно остается недосказанность, предвещающая новые встречи. Оставалось только порадоваться тому, что нам будет, о чем пообщаться еще и, возможно, еще и еще. Выходя из кофейни, я полюбопытствовал, где она живет, но вот тут, увы, не совпало. Афина прописалась на полностью противоположном конце города, а потому я даже не стал предлагать проводить ее, к тому же на вечер у меня была назначена встреча с Димасом и Денисом, которым я приготовил приятный сюрприз. Когда настал миг расставания, Афина на прощание чмокнула меня в щечку, что было воспринято как вполне хороший знак и заставляло с нетерпением ожидать понедельника, дабы свидеться вновь.

Вечером состоялась посиделка с моими, так сказать, бизнес-партнерами, но больше все-таки пока друзьями. Я зазвал их в гости еще на буднях, предварительно приготовив совсем легкий ужин, так как случайная встреча с Афиной задержала меня больше ожидаемого. Кроме того, я заранее прикупил пару бутылок отличного рома с пепси-колой, чего ранее никогда для них не делал: обычно мы с друзьями выпивали

недорогие сорта пивных суррогатов. Димас и Денис пришли в срок, после чего мы обстоятельно обо всем переговорили.

Мне как-то сразу бросилось в глаза, что их бизнес-энтузиазм уже изрядно поиссяк. Заказов не было, но, с другой стороны, чему здесь удивляться, когда проект существует всего неделю? Представлялось естественным, что пока покупают именно у них, а не у нас.

– В том-то и штука, что всякого рода «их» слишком много, а мы – одни, – запричитал Димас. – Наши позиции в поиске слишком низки, конечно, ты молодец, что отписываешь в блогах и добавляешь материалы на сайт, но пока мы хоть немного раскрутимся, не менее полугода уйдет, а кушать хочется уже сейчас! Да и не в хотении тут дело, а в элементарной необходимости. А если мы сейчас с Денисом пойдем на работу, то магазин совсем заглохнет. Нам бы денег найти на продвижение сайта в поисковиках, так вот их-то как раз нет... Круг замыкается, – окончил свой взволнованный монолог Димас.

В тех словах я почувствовал скрытый упрек и в свой адрес. И в некотором роде, действительно, как-то нехорошо получалось, что мои партнеры на передовой одни, а я как бы отсиживаюсь в тылу, дожидаясь лучших времен. Тогда я заинтриговал: «Минутку, господа, есть идея!» Сбегав в коридор, я извлек из кладовки тот самый конверт, который подсунул мне Молодой в качестве задатка. Оставив себе примерно с четверть тех денег, я элегантно вывалил на общий стол

приличную пачку тысячного достоинства ассигнаций, предположив, что, возможно, это как-то поспособствует движению сайта в поиске.

Настроение моих друзей заметно похорошело. Весь оставшийся вечер мы провели в обсуждении прошлых приколов и будущих прорывов, я же, по ощущениям, своим своевременным жестом только что спас проект от полного уныния и закрытия, в связи с чем чувствовал себя весьма и весьма, опять же, хорошо. И в совокупности всех событий тот день стал одним из тех немногих, о котором смело можно было сказать, что он выдался и удался.

Голова 16. Заведующий всем

Последующие недели полетели в духе первой, ничего принципиально не менялось: я развлекался «Блатной правдой», изредка прислушиваясь к дискуссиям своих коллег по поводу «Кайфонов» и отмечая значительные изменения лишь за окном, где уже уверенно утвердилась осень. Опадали листья, улетали птицы, однако мне было плевать: каждый день я ожидал обеда – и причиной тому служил вовсе не голод.

Однажды дверь в отдел «Mobile razvodko» резко распахнулась, а в дверной проем заглянула загорелая и косматая голова. Голова подтянула за собой и остальное туловище, таким образом в кабинет проник какой-то шумный и задорный мужик. Одет он был просто: в черную водолазку и синие джинсы, а потому сперва я принял его за вернувшегося из отпуска водителя или завхоза, поскольку на тех дресс-код не распространялся. Высокий дядя мгновенно навел шороху в нашем обычно тихом и вялом болоте, энергично проходя вдоль столов и пожимая всем руки, сопровождая рукопожатия короткими возгласами, вроде: «Саша, чо?» или «Лех, как?» Возвратившись к двери, он хитро зажмурился и поманил меня пальцем на выход, как бы вызывая на разговор. Я неохотно последовал за ним, наблюдая своих коллег в коллективном восторге от этого дяди, и в особенности от того

факта, что ему есть до меня какое-то дело.

– Ну чего, пойдём-пожрём-с? – по-барски зевая, предложил он, время-то настало обеденное.

Ничего ещё толком не понимая, я не слишком воодушевленно брел рядом, потому как планировал провести обеденное время вовсе не в обществе не пойми кого. Однако когда он поинтересовался: «как там поживает Нина Иоанновна?», я сразу прозрел, догадавшись, что это и есть всесильный Гарик Валентинович Козырь – хозяин здешней тайги и заведующий всем, о котором я уже столько раз слышал, но до сих пор не имел удовольствия познакомиться. Ведь никто кроме Козыря, насколько я понимал политику конфиденциальности РЦСЧОДН, и не мог знать о Нине Иоанновне. Никто из моих коллег никогда открыто не говорил о покровительстве своих родных, а сам я, понятно, не расспрашивал, полагая, что это бестактно, да и просто не имеет особенного значения. Козырю же на поставленный вопрос я отвечал, что бабуля в полном порядке, хотя лично и не контактировал с ней с тех самых пор, как она оказала мне неоценимую услугу: прощаясь со мной в вечер нашей встречи, Нина Иоанновна ясно дала понять, что сама выйдет на связь, когда придет время, и я уж не стал уточнять, что она имеет в виду.

В столовой, выбрав себе из шведского стола сразу всего и помногу, прямо подразумевая, что обед будет не только питательным, но и продолжительным, Козырь порасспрашивал меня про то, как я устроился; я в ответ порассказывал, что

все на уровне и полет нормальный, поблагодарив за проявленный интерес к моей скромной персоне. Дальше говорил только Козырь; речь, правда, шла отнюдь не о работе, как я того ожидал, а о том, что только вчера вечером он, Козырь, вернулся с Мальдивских островов и вскоре уж собирается на Каймановы; после чего сделал признание, что хоть и до смерти надоели ему эти райские закоулки, но и сидеть в сером и сыром Сэинт-Петербурге осенью-зимой – так себе удовольствие; поэтому, мол, и приходится выбирать меж двух зол.

С кротостью ученика я слушал его развеселые истории о местах и краях, в которых едва ли мне предстоит когда-нибудь побывать; в том числе и потому, что серый и пасмурный Петербург всегда нравился мне в основном именно за эти качества, отвечая моему обычному настроению, хотя, пожалуй, во многом и формируя его. Козырь тем временем вещал об островах с таким иронично-страдальческим видом, как будто кушать уже совсем не может, а его все заставляют и заставляют: то одна упругая подруга заманит, то другая соблазнит, а ведь надо бы еще и с супругой и ребяташками иногда выбираться... Словом, что за жизнь пошла?

Разумеется, я, как умел, выказывал сочувствие к его суровым будням, тем более что рассказывал он это все в тех интонациях, словно бы я и сам должен претерпевать схожие сложности. Наконец, к его чести, Козырь обратил внимание и на то, что я, бесконечно извиняясь, переглядываюсь вон с теми двумя девушками, а те понимающе кивают в ответ. То-

гда он все-таки отпустил меня с миром, по-дружески сообщив на дорожку, что если у меня возникнут какие-либо проблемные ситуации, то отныне я знаю, к кому следует обращаться для их разрешения. Тактично отблагодарив шефа за участие, я отправился к двум ожидающим девушкам: в последние недели я обедал в компании Афины и Моники, но сегодня Козырь, своим триумфальным возвращением, внес коррективы в сложившуюся расстановку сил.

В первый же понедельник после той нашей неожиданной встречи в кинотеатре я как-то невольно потянулся к Афине, все к тому располагало. Встречаясь в коридоре, случайно ли или специально, мы охотно общались на всевозможные темы и над чем-нибудь да прикалывались. Нередко я заходил в ее кабинет, где стоял копировальный агрегат, и подолгу копировал ненужные коллажи из интернета; на самом деле, конечно, мне просто хотелось побыть с ней рядом, отмечая, что и ее это вполне устраивает. С того понедельника мы стали обедать вместе, вскоре, впрочем, к нам начала подсаживаться и Моника...

Штука в том, что как бы я ни тяготел к Афине, но большую часть рабочего времени все равно проводил с Моникой, так как она – вон, как на ладони, всегда за столом напротив, также скушающая от болтовни про «Кайфоны», их функциональные возможности и обновленные приложения, и в то же время совершенно равнодушная и к правде из «Блатной правды». Скушать же было явно не в ее натуре, именно этим

я объяснял то обстоятельство, что теперь она то и дело крутилась возле моего стола, разворачивая различные разговоры обо всем на свете. И вскоре я вынужден был признать, что ее общество становится для меня, пожалуй, даже предпочтительней чтения беспощадной «Блатной правды».

Как только Моника стала присоединяться к нашим с Афиной трапезам, я ощущал уже, что оказываюсь в двойственном положении, будучи в обществе их обеих одновременно. А потому предоставил событиям развиваться своим чередом, заняв достаточно выжидательную позицию, уделяя равное внимание обеим девушкам и наблюдая, что и друг к другу они вроде бы относятся вполне ровно и терпимо, общаясь и между собой так, что в первые дни мне даже чудилось, будто знакомы они уже давно, хотя обе и устроились в РЦС-ЧОДН примерно за месяц до меня.

Да и в целом, когда они вместе за обеденным столом сидели рядом, помнится, сперва я подспудно отмечал некоторое внешнее их сходство. Обе они были примерно одного возраста, роста, фактуры; обе являлись брюнетками с выразительными голубыми глазами... вот только стоило им начать говорить, жестикулировать, передавать солонку, как вся их схожесть куда-то таинственно исчезала. И, беря шире, если Афине было свойственно спокойствие и сосредоточенность на чем-то, казалось, очень глубоким, личном и внутреннем, то Моника, напротив, виделась мне крайне легкой, внешней и веселой; прямо скажем, даже предсказуемой, но, как ни

странно, от того не менее приятной и привлекательной особой.

Допускаю, что независимому читателю могут быть не слишком-то важны излишние подробности: она была такой, та другой, ну а я вообще никаким, заделавшись наблюдателем. Тем не менее рассказать об этом просто необходимо, тем более что упоминаю только к тому, что уже тогда во мне закладывалось ощущение: что-то будет... и дальнейшие события, как говорится, превзошли самые смелые ожидания.

Ну а покамест я пребывал в неустойчивом и непривычном положении, когда мне нравились сразу две девушки, еще и постоянно находившиеся поблизости, и самое главное: им был чем-то интересен я...

Голова 17. Только спокойствие

Теми выходными я съездил к матушке в область, в загородные просторы. Вообще говоря, я всегда навещал ее с огромным удовольствием, и все же значительно реже, чем хотелось бы самому. Во многом потому, что город извечно держит в напряжениях и тревогах, удерживая в заложниках и высасывая всю энергию в обмен на красочную игру огней; поэтому, в частности, я с такой настоящей радостью пользовался каждой возможностью выбраться к матушке, вырваться и передохнуть от этого самого города, выспаться в свежести воздуха, напитаться другой пищей, и в обязательном порядке прогуляться по лесу, что раскинулся в километре от дома.

Воскресным утром, жуя пирог с капустой и запивая его молоком, я повествовал матушке о неожиданном участии в моей жизни Нины Иоанновны; о том, как она оказала мне бесценную помощь в трудоустройстве, поведав между делом и о запуске магазина «Купи у нас», где дела, кстати, после моего денежного вливания, пошли в рост. Видя озадаченность на лице мамы, вызванную, очевидно, моим контактом с Ниной Иоанновной, я поспешил успокоить ее тем, что бабушка, кажется, все-таки встала на путь исправления, что и в ней пробудилось что-то человеческое; тем более что я был и оставался – насколько мне, во всяком случае, известно – единственным ее родственником в настоящем поколении,

чуть ли не последним из могикан. Мама подивилась этой перемене не меньше моего, когда бабушка вдруг позвонила сама, и потому посоветовала держать ухо востро, поскольку уж кто-кто, а она-то знает все ее повадки и наклонности как нельзя лучше, предостерегая, что Нина Иоанновна Никогда и Ничего в своей жизни еще не делала просто так, не корысти ради.

Днем я отправился прогуляться по лесу, погода благоприятствовала: устоялся один из тех редких теплых и солнечных дней осени, чем-то напоминающих начинающуюся весну. Не знаю отчего, но именно там, в лесу, мне частенько удавалось уловить совершенно особенное настроение – чувство на грани невесомости и неуязвимости. Наверное, если бы мне поручили дать определение слову «счастье», я выстроил бы это определение в духе синонимов таких понятий как «спокойствие», «умиротворенность», «уверенность в будущем», то есть именно тех состояний ума, которые всегда в моей жизни бывали в серьезном дефиците. И именно тогда, в лесу, я был вполне себе счастлив; именно там: в окружении других форм жизни, с древности враждебных человеку – деревьев, мхов и папоротников, грибов, птиц и насекомых, от которых я никогда не встречал проявлений враждебности, тогда как в городе, в царстве homo sapiens, опасностей на квадратный километр, по моим ощущениям, всегда таилось несравненно больше. А впрочем, все относительно: пожалуй, окажись я в лесу в тот момент, когда солнце отвернулось от нашей

страны, а также на значительном отдалении от каких-либо городских или поселковых огней, вполне допускаю, что рассуждал бы принципиально иначе, тоскуя уже по привычным каменным джунглям.

Придя в понедельник на работу расслабленным и отдохнувшим, я тут же отметил в обстановке какое-то напряжение, несвойственное прошлым неделям; к тому же я слегка заспался и припоздал, потому во мне возникло то чувство, как это нередко случается в дни опозданий, будто бы я пропустил нечто крайне важное и все вокруг явно что-то недоговаривают. Вот и мои коллеги, и без того не слишком-то приветливые и общительные, были в тот день безмолвны как-то по-особенному. Даже Моника, вопреки обыкновению, не стягивала мое внимание на себя, сидя безучастно и сосредоточенно высматривая что-то в плоскости монитора. Никаких видимых причин для напряжения, правда, я так и не усмотрел, связывая всеобщую пришибленность с первым ночным заморозком.

Однако во время обеда от меня не ускользнуло то, что и Афина сегодня более задумчива, нежели обычно: и это при всей ее исходной природной сдержанности. Кроме того, я отметил, что Афина и Моника совершенно не общаются между собой, даже как-то демонстративно уклоняются от такой возможности, и все их разговоры осуществляются только со мной. Становилось очевидно, что похолодание произошло не только на улице, но и в межличностных отношениях двух

столь симпатичных мне девушек. Наконец, где-то за час до окончания рабочего дня, улучив момент отсутствия Моники в кабинете, я решил проведать Афины, чтобы переговорить с ней о том, что происходит нечто странное, предполагая затронуть и тему осложнения ее отношений с Моникой – почему-то именно Афина представлялась мне более подходящей фигурой для подобного разговора.

Направившись к кабинету Афины, еще издалека я увидел ее стоящую возле двери вместе с Моникой: они оживленно о чем-то спорили, явно ссорясь, в связи с чем я предпочел не вступать в это дело и, развернувшись, ушел незамеченным. Вернувшись в ставший уже почти родным кабинет Mobile razvodko, я захотел срочно на что-нибудь переключиться и полистать наконец-то сегодняшний выпуск «Блатной правды», поскольку наэлектризованность обстановки не позволила сделать это с утра. Однако же, вот незадача, буквы больше не лезли в глаза – то ли я был пресыщен грустной правдой о глобальном разводе народа, хотя, скорее, мне не давал покоя наметившийся разлад между Моникой и Афиной.

С одной стороны, конечно, все это было мне весьма неприятно, потому как обе они мне очень даже нравились, пускай каждая по-своему. Подчас я даже ловил себя на мысли, что само свое участие в столь неоднозначном предприятии как РЦСЧОДН можно оправдать одним уже только знакомством с ними. И с какого-то момента мой интерес в походах на работу заключался не только в денежном вознаграждении

дении, и не только в поддержке проекта «Купи у нас», серьезной мотивацией стала сама возможность быть рядом с этими прекрасными созданиями минимум пять дней в неделю. И разумеется, мне представлялся только один предмет, из-за которого они могут ссориться: и этим предметом был я... вот тут уже начиналась приятная сторона вопроса. Мысленно я буквально превознес бабулю за то, что встретила меня в столь избранную структуру; и пускай я так и не научился пока находить удовольствие в ничегонеделании, все-таки вынужден был признавать, что работаю, безусловно, не на самой скверной работе в этом мире. И многие, очень многие, мечтали бы занять мое кресло-место, сидеть на нем долго и счастливо, реализуя мечту миллионов: работать поменьше да зарабатывать побольше. «А потому и мне, чего уж, пожалуй, грех жаловаться», – приходил я к долгожданному соглашению с действительностью.

Эти размышления были оборваны внезапно ворвавшимся в кабинет Минором Камонычем; он тут же бросил на меня гневный взгляд и, едва сдерживая свой гнев, как-то даже прикрикнул: «Никольский, ко мне в кабинет, живо!» Я обескуражено последовал за ним, не слишком понимая, чем вызвано его недовольство, и тем более – каким образом это может быть связано со мной. «Дверь прикрой», – приказал мне Минор. Я последовал его рекомендации, после чего состоялся престранный, последний между нами разговор:

– Ты уволен, – совершенно безапелляционно заявил он

мне, добавив, что мне можно все-таки еще недельку походить на работу, чтобы получился полный месяц, и я мог рассчитывать на денежный расчет.

– Вот как? – искренне недопонял я. – С чего это вдруг?

– Просто не нравишься ты мне, плохо работаешь! – бросил он в сердцах, чувствуя и сам, что подобное обоснование звучит не слишком-то убедительно.

Прямо скажем, такой ответ меня даже позабавил: возможно ли плохо работать там, где выполнение какой-нибудь работы даже и не входит в круг обязанностей? На это я просил привести мне в пример работника, который, по его мнению, работает хорошо и продуктивно. Камоныч принялся перечислять имена: по его подсчетам выходило, что хорошо работают все, не считая меня. Имя «Моника» в волнении он произнес аж дважды. Я не стал спорить с ним дальше, выходя, сообщив, что проконсультируюсь еще на эту тему с Козырем Гариком Валентиновичем, хотя тот вроде бы в очередной раз нежился на каких-то чужедальних островах: в конце прошлой недели, во всяком случае, я его что-то уже нигде не примечал. Надо сказать, мое заявление разозлило Камоныча еще больше.

Само собой, я был весьма раздосадован таким необъяснимым поворотом, при этом, в стремлении следовать своей же лесной установке – «Только спокойствие», оставался в то же время довольно спокойным. Тут необходимо заметить, что по ходу воскресной лесной прогулки я успел произвести тра-

диционную духовную работу, давая себе установку, что любой ценой необходимо оставаться невозмутимым во всевозможных жизненных ситуациях и их комбинациях, не размываясь по мелочам и всячески игнорируя лихорадку людских страстей. И после подобных самоустановок всякий раз я задавался вопросами: возможно ли это – оставаться спокойным, когда кругом творится черти что? Надолго ли хватит такого прекраснородушного настроения?

Впрочем, в минуту моего увольнения спокойствие было продиктовано и тем обстоятельством, что даже если принять в расчет худший вариант: я уволен уже документально и на то имеется санкция самого Козыря, то теперь-то я не пропаду, поскольку дела у «Купи у нас», как я уже упоминал, и вправду пошли, а потому я мог со спокойной душой возвращаться в собственного сочинения проект. Единственное, что меня огорчало в данной истории по-настоящему, так это то, что теперь я буду разлучен с девушками... «Правда, с ними ведь можно встречаться и не на работе, и во всех смыслах – так оно будет даже правильнее», – немедленно нашел я выход.

Вспомнив о своих девушках, мне захотелось немедленно разыскать их и рассказать новость дня. Их, однако, нигде не было. Уже покидая работу, я обернулся у проходной и увидел их у парковки – казалось, они снова ожесточенно о чем-то спорят, а потому, бесповоротно уходя, я принял решение отложить объяснение до завтра.

Голова 18. Раздвоение личностей

Следующим, так сказать, утром я явился на работу уже сильно за полдень, едва поспев к обеду, не видя более необходимости соблюдать формальность прихода туда к 11:00, раз уж все равно уволен. С физиономий моих сослуживцев считывалось, что все уже в курсе моей досрочной отставки. Особенно свидетельствовала об этом Моника, ее внимательно-оценивающий взгляд, сочувствующий и сожалеющий; но словами ни она, никто другой, не стали упоминать о досадном происшествии. Вскоре Моника, не удержавшись, прислала мне сообщение в вАбстракте, которым говорила, что она «в шоке», так как я, вроде как, стал первым, кого здесь уволили в принципе, без собственного волеизъявления. На это, помнится, я доверительно отвечал, что сам я не слишком убит горем, хотя причины увольнения мне до сих пор не известны, да и побыть первым хоть в какой-то области – не такое уж позорное дело. Моника отписала, что ей эта история тоже совершенно непонятна: Минор Камоныч, мол, с утра уже выступил с официальным объявлением относительно меня, после чего спешно укатил на заседание в «Kresty». Не зная, что и сказать, я отделался многоточием...

Обсудив ситуацию с Моникой, мне тут же захотелось пообщаться и с Афиной. Отыскав для этого в сети какой-то бессмысленный коллаж, я отправился в ее кабинет, дабы на-

делать копий. Афина находилась на рабочем месте одна, без ассистентки, что было нам только на руку.

– Приветик, Афина, а меня тут уволили, – бодреньким голосом отчитался я, пытаюсь поразвлечь ее неожиданностью.

– Да знаю уж, знаю, – тяжело вздыхая, отвечала она.

Я помолчал, раздумывая, что бы к этому можно добавить.

– И что, тебя даже не интересуется, почему Камоныч решил тебя уволить? – нетерпеливо разбила она тишину.

Я слукавил, что не особо интересуется, но она, то ли догадываясь, что все-таки это не совсем так, то ли намереваясь выдать всю правду вне зависимости от моих интересов, заинтриговала:

– Поблагодари за это Монику! – нервно выпалила Афина.

– Монику? – переспросил я, – она-то здесь каким боком?

Афина лишь покачала головой, словно бы поражаясь моей неразборчивости в людях.

– Ты, похоже, единственный еще не в курсе, что Камоныч всю ухаживал за ней, нарушал даже субординацию, что делается здесь в исключительных случаях – обедал с ней... разные уровни допуска, понимаешь? Боссам настоятельно не рекомендуется иметь внерабочие отношения с менеджерами; Камоныч, я слышала, хотел даже назначить Монику своей заместительницей, хотя такой должности тут отродясь не бывало. А ей эти ухаживания Минора были совершенно ни к чему, ну а затем появляешься ты... она быстренько сближается с тобой, чтобы Камоныч все понял именно так, как это

выгодно ей: что причина в тебе... И на мой взгляд – это реальная подстава...

– Хм, – хмыкнул я, – как-то не уследил я за такими тонкостями, это еще что за мелодрама? И откуда я, спрашивается, должен был узнать? Мне об этом как-то никто и не говорил... ни сама Моника, ни, кстати, ты... а сам я за такими вещами следить не привыкши...

– Согласна, я тоже хороша... – после некоторых раздумий продолжала Афина. – Просто раньше она обедала только с Минором, все знали почему, но в последние недели, как ты, наверное, обратил внимание – она трапезничала с нами... а тот это дело подметил и, как ты заметил, ему все это здорово не понравилось... Моника еще вчера утром знала, что Камонич решил тебя убрать, понимаешь? Сама же мне и проговорила. Не думаю, правда, что только мне. А когда я потребовала от нее, чтобы она как-нибудь повлияла на Минора, она наотрез отказалась... Вот мы и имеем, что имеем.

Теперь помолчал уже я. Обычно мне бывали как-то чужды такого рода истории, со стороны я находил их, пожалуй, даже забавными; и в тот момент неожиданно обнаружил именно себя в самом центре какого-то глупого анекдота.

– Послушай, Афин, да мне ведь по большому счету плевать на это увольнение! У меня есть с друзьями свой маленький бизнес, он набирает обороты, я найду чем заняться, поверь. И откровенно говоря, я всегда стремился сбежать из офисных джунглей, так что будем считать, что эта среда сама

меня отторгла, приму как знак!

В тот миг она взглянула на меня внимательно и задала простой вопрос, который, однако, поставил меня в тупик: «А как же... я?»

Помнится, я замялся с правильным ответом, тогда она как-то театрально бросилась мне на плечо, как мне показалось: едва ли не плача. И на это уже в любом случае следовало как-то отреагировать...

– Что ж, надеюсь, нас связывает не только работа? – улыбнулся я, глядя в ее отпрянувшее, просиявшее лицо.

И то секундное торжество было порушено одной неосторожной ее фразой:

– Да ты не беспокойся, – сказала она, взяв меня под руку, – Нина Иоанновна что-нибудь да придумает...

Это заставило меня напрячь руку и отстраниться.

– Постой-ка, а ты откуда знаешь Нину Иоанновну?

Для меня это было весьма и весьма неожиданно, поскольку ни старик Молодой, ни Минор Камоныч, судя по его действиям, не ведали, что я от бабушки пришел. Все это время я как-то полагал, что это одному только Козырю и известно, большому бабушкиному другу и должнику. К тому же Афина, с ее слов, проживала в Сэйн-Питерсбурге всего-то около двух месяцев, а потому едва ли могла успеть завести знакомство с Ниной Иоанновной...

Афина тем временем, с видом, будто выболтала что-то лишнее, переводила от меня взгляд куда-то в сторону окна,

после чего, наконец, нашлась:

– Глупенький, так я же с документами работаю, я все знаю... В досье пометки на этот счет специальные есть, разве могла я не почитать про тебя?

Такой ответ меня более-менее успокоил, хотя и не устроил полностью. Досье еще какие-то... И все же я предпочел пока забыть об этом недоразумении. В ту минуту меня вдруг взяла злость на Монику: за то, что умолчала про свою связь с Минором. Еще и нагло врала в ВАбстракте: не знает, мол, почему меня увольняют... Уж кто-кто, а она-то все прекрасно знала... Потому я решил спросить у Афины про Монику, кто она и почему здесь, чья она протееже, однако сформулировал все эти вопросы значительно проще:

– А Моника?

– Что, Моника? – осуждающе посмотрела на меня Афина таким взглядом, словно про эту падшую девицу следует забыть раз и навсегда.

Надо сказать, что тот наш с Афиной разговор оставил во мне крайне двойное ощущение: оказывается, и она бывает совсем не такой милой и разлюбезной, какой я уже привык ее видеть, а Моника... так и вовсе. Вот сам собой и разрешился вопрос, кому мне отдать предпочтение, подумал я и, условившись с Афиной о встрече в столовой минут через пятнадцать, вернулся в кабинет Mobile razvodko. Я взглянул на Монику чуть ли не с презрением, она на меня с непониманием: это повторялось несколько раз. На обед я поспешно уда-

лился без нее. Войдя в столовую и застав меня в обществе Афины, Моника предпочла удалиться в противоположный угол. Она отобедала одна.

Голова 20. Любой из нас

Второе утро подряд я раскладывал пасьянсы в компьютере, скучливо дожидаясь обеда, то есть, по сути, очередного свидания с Афиной. Пасьянсами же я занялся отнюдь не из приверженности к этому занятию, скорее из необходимости игнорировать Монику, которая, как выяснилось, оказалась не совсем той, за кого себя выдавала, и что еще хуже – цинично воспользовалось мной как прикрытием. Вот чего понять я никогда не мог: одно дело безвредно привирать по пустякам, совсем другое – подленько подводить под удар и потом делать вид, что ничего особенного и не произошло, что сложившиеся взаимоотношения могут оставаться прежними. Моника тем временем то и дело бросала на меня умоляющие взгляды, которые не без труда мне все же удавалось блокировать. Регулярно она отписывалась и в вАбстракте, что-то там про «выслушай меня», но я оставался выше этого, не желая ничего и слышать.

Тогда, помнится, я окончательно пришел к мнению, что только Афина – вот, кто мне нужен, как я мог вообще расплывать внимание на эту мнимую Монику!? Ведь по всем своим жизненным умениям, убеждениям, устремлениям, да и всем прочим вместе взятым «У» – Афина на голову превосходила Монику. Последняя, в те осенние дни, представлялась мне попросту прелестной пустышкой и миловидной матрешкой,

хотя еще пару-тройку месяцев назад я считал бы ее блестящей для себя находкой. «Но все течет, меняется, теперь у меня есть Афина», – подытоживал я.

Подытоживал, подытоживал, да все не мог никак подвести черту и что-нибудь уже в итоге подытожить. Тут я упомянул еще кое-что против Моники и в пользу Афины. Как-то раз, во время обеда, я устроил девчатам небольшой сюрприз: преподнес «Книгу», допечатав специально для них еще пару экземпляров. И девушки, отблагодарив за странный прямоугольный презент, дальше повели себя принципиально по-разному. Если Моника пополнила армию молчунов, словно бы и не было никогда никакой «Книги», то Афина спустя некоторое время поделилась заключением, что «Книга» ей местами понравилась, хотя и не в полном объеме, но то, что понравилось – понравилось по-настоящему. Такое мнение, стоит ли говорить, было мне всяко поближе, чем снисходительная заговорщицкая молчанка. Чего уж, оно полностью совпадало и с моим собственным: мне тоже нравилось далеко не все из того, что я успел натворить, а совпадение мнений так часто случалось у нас с Афиной и в других вопросах, что дополнительно свидетельствовало о непредвзятости данной точки зрения. А тут ведь, как ни крути, все-таки интуитивно мне всегда как-то более импонировали личности, которым «Книга» прочиталась, нежели те, кому нет. К тому же мы, писатели слов и инженеры предложений, особенно незадачливые, народец, как известно, до крайности мнительный и

подозрительный. А впрочем, по правде сказать, к тому хмурому срединно-октябрьскому времени года я почти и позабыл уже о своих прошлых писательских потугах, считая их банальным баловством, вроде разбивания школьных окон в знак протеста против политики школы в сфере закупок сырья для столовой.

Моника меж тем вновь попыталась было увязаться за мной по пути к столовой: как будто бы желая сообщить мне нечто крайне важное, я же, методом наращивания шага, оторвался от нее, прошмыгнув в кабинет Афины. Я знал, что Моника не войдет сюда: с Афиной у них установилась очевидная холодная война. Так мы вновь отобедали с Афиной вдвоем, а она одна, и в тот тихий обеденный час мне отчего-то стало даже жаль ее.

Да и после обеда Моника продолжала кидать на меня долгие просительные взгляды, я отвечал на них короткими укорами, чаще не отвечая вовсе. К слову, я с нетерпением поджидал прихода Минора Камоныча: вот кому мне хотелось заглянуть в глаза. Да и понаблюдать за поведением Моника в его присутствии и в свете новых знаний было бы весьма и весьма любопытно. Однако рабочий день уже катился на выход, а Минор Камоныч так и не соизволил появиться, как не появлялся он и вчера, а потому я откровенно развлекался, спонтанно решившись сделать то, чего никогда еще не делал: позвонить в «Kresty» Поребрику, чтобы он поработал над производительностью труда внутренних менеджеров.

Порebritк сиплым голосом отвечал мне что-то на смеси смеха, русского матерного и фени, общение с ним осложнялось еще и шумящим в камере шансоном. И хотя, насколько я понял, он сообщал о какой-то заворушке, все же явственно ощущалось, что Порebritк находится там на своем месте, да и сам вполне доволен своим положением в обществе: как зарешеточном, так и вообще.

И вот пока я ожидал прихода Минора, случилось второе пришествие. Вновь в дверном проеме, под самым верхним косяком, возникла косматая и широко улыбающаяся голова, только теперь-то я уже был в курсе, что это он самый и есть – наш отец родной и хозяин всего, Козырь. Надо сказать, Гарика Валентиныча я почему-то никак не ожидал увидеть. Все свидетельствовало о том, что он вновь прохладается в каком-нибудь Гонолулу, не зная никаких тревог и забот. С другой стороны, как раз его-то я и ждал все эти дни с моего увольнения, а к тому времени шел уже четвертый такой день; следующий же должен был стать пятым – последним и заключительным днем моей работы в РЦСЧОДН. Теперь-то я отдавал себе отчет, что за все в конторе отвечает Козырь, иными словами: едва ли Камоныч осмелился бы уволить меня без телефонного общения с ним. Другое дело, что это плохо согласовывалось со словами моей бабули о том, что Козырь ее старый друг, к тому же еще и большой должник, а сам Козырь ранее велел мне обращаться к нему для урегулирования любых ситуаций. Да и как я узнал от Афины: тот

случай, когда Гарик Валентиныч решил отобедать со мной, простым смертным менеджером, на самом деле очень многое значил: этим он крайне озадачил моих коллег, поскольку никто из них такой чести прежде не удостоивался.

Козырь, по своему обыкновению наводя в кабинете шороху, ведя себя шумно и горячо приветствуя всех, поздоровался и со мной, безо всяких, впрочем, широких жестов в мой адрес. Наконец, застыв в центре кабинета, он зычно, покомандирски затребовал полной тишины:

– Дамы и господа, у меня есть для вас важное объявление!..

Все вмиг превратились во внимание.

– Скоро у вас будет новый начальник отдела, – продолжал он, – Минор Камоныч сегодня уволился, по собственному: проблемы со здоровьем. Он звонил мне пару часов назад и поставил перед фактом, что улетает в Лондон греть кости и, похоже, там и останется с концами. Такие дела...

Эта новость прозвучала громом; особенно для тех, кто привык считать именно Минора Камоныча ясным небом за последние лет семь: столько тот и руководил мобильными разводами в РЦСЧОДН. На Козыря со всех сторон посыпались вопросы: как, что и почему. Гарик Валентиныч не стал даже пытаться ответить на них сразу, затыкая вал вопросов отмашками. В ту минуту я украдкой взглянул на Монику: ее личико выражало безотчетную радость, натуральную и живую. Она, уловив мой взгляд, осторожно поделилась своей

радостью и со мной. Я видел, что рада она именно избавлению от Камоныча и, как следствие, моему спасению тоже; сам я не знал еще, как отнестись к этому: мысленно я уже распрощался с РЦСЧОДН. Во многом потому, что от Димаса и Дениса я регулярно узнавал, что заказы у «Купи у нас» пошли и реально, и виртуально; да так, что у ребят теперь практически и не оставалось свободного времени. Это подтверждалось и тем, что вот уж которые выходные мы никак не могли собраться, встретиться, дабы выработать план действий в сложившейся ситуации. Впрочем, так уж вышло, что именно тем странным вечером мне удалось все же повидаться с ними.

Козырь меж тем вновь попросил тишины. Гарик Валентиныч официальным тоном сообщал, что в отделе Mobile gazvodko впервые будет опробована передовая технология выбора начальника: это будет не назначение сверху, как раньше, а честная жеребьевка, которая состоится уже завтрашним вечером.

Таким образом, главным мог сделаться любой из нас.

Голова 21. ЗАЧЕМ?!?

Тем же вечером в мои владения наведались наконец Димас и Денис: в последнее время наша встреча словно висела в воздухе, как бы где-то вызревая и постоянно переносясь на завтра, в силу уважительных, объективности ради, причин. Кто бы мог подумать, что магазин «Купи у нас» стартует столь ретиво, что ребята будут теперь так основательно заняты обработкой поваливших заказов и решением сопутствующих сложностей. Разумеется, мне очень хотелось оказать им посильную помощь и принять в этом пиршестве деятельное участие; к тому же еще в понедельник я успел обнадежить друзей своим увольнением, пообещав, что вскоре оттяну часть болезней роста и приятных хлопот на себя.

Однако начинать нашу долгожданную встречу пришлось с объявления, что все изменилось опять: человек, уволивший меня, и сам теперь вышел из игры, вроде бы проблемы со здоровьем, хотя еще в понедельник, когда он меня увольнял, смотрелся вполне жизнеспособным субъектом... «Так что, похоже, я продолжаю работать в конторе: все остается по-прежнему», – закруглил я монолог.

Димас и Денис отчитались в том, что после сентябрьского моего транша ситуация и впрямь уверенно пошла по нарастающей. И если начиналось все с ерунды – всяких флешек и мягких игрушек, то сейчас же продается вообще все:

и покрывки пошли, и задвижки уже какие-то, и... короче, лед тронулся. Мне оставалось только порадоваться за ребят: тому, что заказывать наконец-то стали и у нас, у «Купи у нас», а не только у них – у бесчисленных конкурентов. И все это настолько обнадеживало и предвещало, что я даже позволил себе смелый прогноз: с такими темпами роста скоро и свой офис обустроим, а по сырости и непредсказуемости улиц пускай курьеры бегают. Посидев еще некоторое время и пообщавшись на сторонние дружеские темы, расходились мы вполне довольными результатами совещания.

Перед сном я по привычке решил разобрать рабочий портфель, вынимая из него разные ненужные уже бумажки и монетки; однако помимо предусмотренных вещей я обнаружил в портфеле еще и какой-то незнакомый белый конверт. На конверте было лаконично выведено от руки «от М.»: кто такой этот М., оставалось только догадываться. Распечатав конверт, я извлек из него письмо, лишившее меня сна.

Уже по запаху духов Моники я учуял, что письмо от нее. Пронюхав от кого письмо, первой реакцией было скомкать его и выкинуть навсегда, но любопытство все же взяло верх. Письмо было следующего примерно содержания:

«Никита, прошу, прочитай письмо до конца, ладно? Раз уж ты меня теперь тотально игноришь... в Абстракте я тебе писать не стала, все равно ты не читаешь там мои мессаги. Я не знаю, что наговорила тебе про меня А., но мне больно видеть, как ты

переметнулся к ней, не желая даже выслушать меня! Что ж – это твое дело, но об одном тебя прошу – будь осторожней с А. Она та еще А... феристка: покруче нас с тобой вместе взятых «разводящая». Я кое-что про нее знаю из некоторых источников... Ты и сам, думаю, скоро все поймешь, а когда поймешь, возможно, будет слишком поздно. Я сама не до конца пока понимаю ситуацию, поэтому говорю только то, что знаю наверняка. Главное: будь с ней аккуратней, не говори все что думаешь, планируешь и т.д. Ну и поразмышляй на досуге над тем, насколько случайно она оказалась тогда в кино... когда у тебя у самого на странице в вАбстракте указан и любимый кинотеатр, и любимый 15-й ряд. Да и все твои увлечения и пристрастия там как на ладони расписаны. Сложно ли поддержать с тобой разговор на любимые темы? Для нее – нет. Да и вообще мне известно о ней еще кое-что, чего тебе лучше не знать... не буду опускаться до сплетен. Можешь мне и не верить, но скоро ты и сам убедишься, что она совершенно не такая, какой ты ее себе навообразал... Поверь мне хоть в этом! И в любом случае – береги себя. М.»

Должен признать, что это письмо имело значительный успех среди моих путаных мыслей, порождая несметное множество вопросов. Зачем Монике писать подобное письмо и предупреждать меня? И... сколько дней пролежало письмо в портфеле? Я вспомнил, что в прошлый раз перебирал портфель воскресным вечером, тогда письма в нем,

естественно, не было. «Значит, оно могло пролежать там с понедельника и по сегодняшней вечер, а сегодня четверг. С Афиной же я пообщался только во вторник утром, после увольнения, тогда мы и начали игнорить Монику... то есть письмо она мне подложила либо вчера, либо сегодня... ладно, это как раз не так уж и важно», – восстанавливал я ход событий почти что вслух.

Мысль заработала в полный рост, уже не давая уснуть.

Думал я в ту странную ночь и о том, что как-то в последнее время слишком часто все стало переворачиваться с ног на голову: то я уволен, то, вроде бы, по собственному желанию, уволен мой увольнитель, как бы по состоянию здоровья, подозрительно все это... если еще час назад я был полностью уверен, что Афина – хорошая, а Моника, напротив, оказалась плохой, то теперь – не знал, что и думать... «Ведь если полностью поверить этому письму, выходит, что все ровно наоборот. И всю неделю я игнорировал Монику, буквально избегал ее, даже не рассматривая ее сообщения в Абстракте. И действительно: почему? Может быть, зря».

Но мгновенно рождались новые вопросы: зачем они наговаривают друг на друга? Можно было бы списать все на некую борьбу за мое внимание, и все-таки обвинения в аферах – это уже серьезно, стала бы Моника такое придумывать? И тут же, вспоминая кристально честный взгляд Афины, мне было очень непросто заподозрить ее во лжи... Наверное, именно в этом безупречно чистом взгляде и заклю-

чалась причина моей безоговорочной веры ее словам. А кроме того, ну что там за аферы такие, прикидывал я, чем Афина может мне навредить, и почему мне, ведь наши отношения складываются так прекрасно... Да и что у меня такого, собственно, есть, чего нет у других? Тем более что я изначально был и, безусловно, оставался беднейшим из «разводящих» своего отдела, что с меня брать-то? Как-то это не клеилось...

И все же аргументация Моники представлялась мне поильней... Если Афина только намекала, что Моника чуть ли не любовница Минора, а тот, мол, приревновал, так это все весьма голословно и недоказуемо. К тому же я видел своими глазами ликование Моники насчет ухода Камоныча: с чего бы ей радоваться, если бы она рассчитывала на его протекцию? Что-то тут не сходится: подставляя меня, она никак не решила проблему назойливого внимания Камоныча. Моника же утверждала, что неспроста, не просто так Афина оказалась именно в тот день в кинотеатре на пятнадцатом ряду. И действительно: какова вероятность случайной такой встречи в мегаполисе, когда иных людей годами не видишь, даже если они живут в соседнем подъезде... Тут уже я вспомнил и о том, как сам же перед тем уик-эндом кинул клич в вАб-стракте: кто, мол, со мной в субботу на великий блокбастер? И поскольку никто оперативно не откликнулся, да и сам я не был уверен наверняка пойду ли, то где-то через полчаса удалил сей призыв. Но и этого могло оказаться достаточно...

Здесь во мне щелкнуло, что Афина же откуда-то знает еще и про Нину Иоанновну, да и та ее странная фраза: «Нина Иоанновна что-нибудь придумает»... Придумала или нет – вот еще один вопрос, однако факт состоял в том, что у Минора Камоныча внезапно возникли осложнения со здоровьем и тот спешно отбыл в Лондон, а я, соответственно, не уволен, остаюсь. И опять же этот самый Лондон, которым пугала меня бабуля... Совпадение? Нет, Лондон, вне всяких сомнений – город большой и солидный, но еще меньше сомнений в том, что Лондон не самое идеальное место на этой планете для того чтобы «греть кости», как выразился Козырь.

В общем, вопросов возникало все больше, становилось сложно их даже формулировать, не говоря уже о том, чтобы находить ответы. И даже если бы я составил вопросы в порядке важности и приоритетности, специально выписав на чистый лист бумаги, то и тогда весь этот перечень перечеркивался бы одним лишь простецким вопросом – ЗАЧЕМ?!? Зачем это: какие-то дразги и склоки на ровном месте, зачем кому-то меня обманывать и подставлять, и особенно – зачем это им? Становилось ясно, впрочем, что одна из девушек намеренно вводит меня в заблуждение относительно другой; была некоторая вероятность, что привирают они обе, или, напротив, говорят чистую правду. Вот только если обе говорят правду, то выходило уже... что обе они не те, за кого себя выдают... В такую чертовщину я уже просто отказывался верить. Да и опять же – ЗАЧЕМ?!?

Помнится, засыпал я тогда с мыслями, что хватит, довольно с меня головоломок. Все равно очень скоро я получу ответы на многие вопросы, так всегда было – будет, вероятно, и сейчас. Этим лично меня всегда и устраивало устройство нашей жизни, что в большинстве непонятных ситуаций достаточно просто лечь на волны, положиться на них и плыть, а ответы на вопросы, рано или поздно, всплывают сами, стоит только набраться терпения и правильно и своевременно ухватить их.

Голова 23. *Alea jacta est*

Еще выезжая тем хмурым утром на работу, я наметил план действий, решив, вопреки вчерашним своим ночным думам, все же получить ответы на возникающие и множачищиеся вопросы, не полагаясь на течение: а то ведь выгрести так можно куда угодно, к безусловному водопаду например, а там, после условного падения, кто его знает, чем еще дело обернется... Я прокручивал уже в уме, как во время обеда соберу Монику и Афины вместе, устрою им очную ставку, призывая к открытому, откровенному диалогу, дабы мы повзрослому разобрались в этих недомолвках и противоречиях.

Несмотря на то что сам я прибыл в офис с входящим в привычку опозданием – ни Моники, ни Афины на работе еще не было. Тогда я пробовал поразвлечься «Блатной правдой», приходя к окончательному уже убеждению, что сыт по горло всей этой правдой. И по правде сказать: правда о событиях, творящихся в стране, представлялась мне в тот момент менее существенной, чем та правда, которая была необходима лично мне: правда об отношении девушек ко мне, об их отношениях друг с другом, об их отношении к протекающим в РЦСЧОДН малопонятным процессам...

Однако время подходило к обеду, а они все не появлялись: несколько раз я выходил в коридор, хаживал украдкой

к кабинету Афины, но Афины в нем было; не объявлялась и Моника. Время обеда настало, и вот я уже почти ушел обедать один, когда, спускаясь по лестнице, вдруг увидел поднимающихся мне на встречу долгожданных девушек. Они, еще не встретив меня, непринужденно шагали вместе, причем о чем-то еще переговариваясь, хихикая и явно забавляясь. Заметив меня, они мгновенно замерли, с их лиц скатилось веселье: тут же они приняли обычные, знакомые мне выражения. И если Афина смотрела своим спокойным, честным взором, как бы с чувством собственного достоинства и превосходства над Моникой, то Моника пронизывающим и умоляющим взглядом словно бы призывала меня проверить портфель и отыскать наконец одно очень важное письмо...

Не возьмусь сказать, что за лицо было в тот момент на мне, но выражало оно, вероятно, множество оттенков недоумения. Не знаю почему, улыбнувшись им и поздоровавшись, я прошел мимо. Во мне вдруг исчезло всякое желание проводить с ними душеспасительную беседу, в которой мысленно я упражнялся все утро. Вот не мог их понять – и все: то они тайком ссорятся, то откровенно клеветают друг на друга, а теперь, как ни в чем не бывало, миленько идут и хихикают о чем-то своем, девичьем. Это становилось выше моего разума.

Решив для себя, что, может, никаких загадок на самом деле и нет, а есть только какая-то заурядная бессмыслица, замешанная на играх моего воображения, я раздумал обе-

дать вообще, а вместо этого отправился сжигать рабочее время в кино. Отыскав через «Кайфон» ближайший к работе кинотеатр, я двинулся на первый попавшийся сеанс: в сущности, мне было все равно на что смотреть. Просматриваемый фильм, кстати, к сдержанному поначалу удивлению, оказался откровенно удачным. Больше скажу – почти безупречным. Недаром тот самый фильм впоследствии собрал внушительную коллекцию всяких призов и ветвей, прочно закрепившись в верхах самых знатных рейтингов. И несмотря даже на все на это – я то погружался в происходящее на экране, то возвращался в собственные мысли, будучи не в состоянии определить: что мне сейчас занимательней. Добавлю, что главный герой картины, по мере развития событий, медленно, но верно слетает с катушек от абсурдности повседневной нормальности и трагического несоответствия собственного понимания нормальности к представлениям окружающих его землян, что заставляло меня относиться к нему с искренней и стремительно нарастающей симпатией.

Возвращаясь в офис под самый вечер, больше для того чтобы отметить на выходе и лишний раз мелькнуть где положено, я заметил идущего по коридору в направлении нашего кабинета Козыря. Только тут и вспомнилось, что сегодня ведь должна состояться жеребьевка, в результате которой будет избран новый глава отдела Mobile razvodko, взамен внезапно захворавшего Камоныча. За всеми забродившими в голове думами это событие как-то совершенно затерялось

на задворках сознания.

Когда я вошел в кабинет, все уже были в сборе, все было готово к жеребьевке, в тот момент Козырь со всей внушительностью оглашал регламент предстоящего действия. В широкой и прозрачной вазе, установленной на подоконнике, лежало пятнадцать оранжевых шариков – по количеству нас, разводящих менеджеров. И одному из нас, по итогам слепого выбора, светило повышение по службе... Гарик Валентиныч тем временем шутил, что процедура будет недолгой и это будет не больно: победителем станет первый же вытянутый шарик, в котором лежит бумажка с фамилией нового главного; бумажка будет вынута из шарика и продемонстрирована всем остальным претендентам, дабы ни у кого не оставалось сомнений в объективности и справедливости свершившегося.

Откровенно говоря, как-то не относился я к происходящему всерьез, ведь еще в ходе вчерашнего трудодня морально я уже распрощался с РЦСЧОДН, будучи в статусе уволенного, поэтому, пожалуй, и не считал себя вправе на что-то претендовать и куда-то метить. К тому же я отработал в «Расчетном центре» немногим более месяца, тогда как многие высиживали здесь уже годами, да и были постарше меня, а потому именно их подсознательно я и считал настоящими кандидатами, хотя теоретически наши шансы были абсолютно равны. Верхом же удачи я счел бы победу Моники: она, как и я, работала тут совсем недавно и по-прежнему

представлялась мне барышней довольно позитивной, чтобы не сказать беспечной, и поэтому побыть под ее началом мне было бы комфортнее и любопытнее всего. «Кроме того – раз уж она написала мне то самое письмо-предостережение, значит, я ей некоторым образом небезразличен... глядишь, буду ее фаворитом!»

Пока я формулировал эти тезисы и прикидывал шансы, в кабинете уже отчетливо обозначилась Афина. Выяснялось, что именно она, как офис-менеджер, будет тянуть победный шарик и озвучивать фамилию счастливого. Козырь, похлопав в ладоши и призвав всех смотреть в оба, пригласил ее к вазе...

Афина, казалось, задалась целью внести максимальную интригу: опустив руку в вазу и секунд десять, показавшиеся, как водится, всем вечностью, старательно перемешивала и взбалтывала шарики. Наконец она вытянула один из них и принялась в свойственной ей неторопливой манере извлекать оттуда бумажку...

Стоит ли вообще говорить, что центровым по мобильным разводам, с легкой руки Афины, стал я?

Голова 24. Все только продолжается

Спустя несколько мгновений после того как был объявлен победитель, вокруг меня развернулась невообразимая суета, в рамках которой я был рукопожат, полуобнят и похлопан со всех сторон. Сам я, не слишком-то еще сознавая, а что, собственно, произошло, жал руки в ответ, принужденно улыбаясь и ощущая на спине и с боков множество дружественных толчков и тычков. И вот, почти сразу я отмечаю, что на самом деле никто тут, конечно, совсем не вдохновлен моим неожиданным возвышением: с физиономией поздравляющих считывается множество разных чувств, выражающих в основном всевозможные формы сожаления о том, что удача оказалась на моей стороне, а не на чьей-то из них. Так оно и понятно.

Очевидно, мой новый статус уже тогда, считанные секунды спустя, вынуждает коллег относиться ко мне заискивающе и подобострастно: как-никак только что я сделался их новым разводящим лидером. Да и тот факт, что Козырь расположен ко мне как-то по-особенному, безусловно, не ускользнул от внимания многих. Только когда от меня наконец отстали руки и ослабли натянутые улыбки, я смог отыскать взглядом Монику и Афиноу. Они стояли чуть поодаль и, широко улыбаясь, взирали на картины успеха: вот они сияли по-настоящему, как, впрочем, и Козырь – предложивший

по олимпийской традиции подбрасывать меня куда-то вверх, однако мне все же удалось свести сей порыв в шутку, убедив коллег, что это уже, пожалуй, лишнее.

Вместо этого, предполагая, что в подобном положении принято что-то еще и победно произносить, я попросил минуту внимания, сообщая, что в следующую пятницу с меня последует большая *prostava*, ну а пока я предлагаю тихонько разойтись по домам и делам, поскольку все и без того уж притомились от тяжелой трудовой недели, тут же поймав себя на лукавстве насчет усталости, потому как в офис я подъехал с заметным опозданием, после чего еще и сбежал от всего в кино, фактически объявившись на рабочем месте только перед самой жеребьевкой, о проведении которой, ко всему прочему, постыдно позабыл. Да и мои коллеги, как известно, не имели привычки уставать на работе. Наговорил я по ходу речи также, что с нетерпением жду всех в понедельник, что постараюсь быть хорошим боссом и... кажется, изрек еще уйму банальностей и самых общих фраз, озвучивать которые, наверное, было даже и не нужно.

Козырь, похоже, тоже куда-то поторапливался, а потому расторопно увел меня в бывший кабинет Минора Камоныча, ставший отныне моим; тогда-то я прочувствовал всю иронию судьбы, ведь еще в начале недели я был уволен в этом самом кабинете, находя теперь данный факт во многом курьезным и символичным. В самом кабинете, правда, ничего слишком нового для себя я не усмотрел: стол, компьютер, в

остальном – дорогие декорации и дешевые понты. Вернувшись в общий офис, я обнаружил его пустующим: мои подчиненные, еще минут пятнадцать назад бывшие коллегами, уже разбежались по пафосным клубам и любимым бутикам. А впрочем, я почти не сомневался, что Афина или Моника, а еще вероятнее – обе они вместе, раз уж пришли к примирению, поджидают меня где-нибудь внизу. Так и оказалось.

Воссоединившись, мы уходили через проходную, где я получил порцию поздравлений от охранников – те уже знали о моем повышении, а Афина и Моника, обхватывая меня за руки с обеих сторон и провожая до спуска в метро, заставляли чувствовать лауреатом какого-нибудь Grand Prix. Мне почему-то казалось даже, что радуются они как-то чрезмерно: посильнее, чем я сам. И было бы преувеличением сказать, что эта их радость каким-то образом передавалась мне: рассуждая холодной головой, я не воспринимал свое назначение как значительное личное достижение, тем более что в контору я попал по протекции, избран был жеребьевкой, да и за тот месяц, что проработал в РЦСЧОДН, мне, чего уж, не удалось прославиться особенной инициативой, выдумкой или хотя бы приверженностью к идеологии «разводка» – по всему выходило, что мне просто повезло с волей случая. Про себя же я рассудил, что, должно быть, это какая-то запоздалая компенсация за те бесконечные годы, в ходе которых Фортуна упрямо обделяла меня своим вниманием, не говоря уже о покровительстве. И тем не менее, ощущая важность

события для остальных, в частности для Моники и Афины, которые, казалось, окончательно позабыли о недавних распрях, поддаваясь этому их легкому настроению, все же и я начинал мало-помалу испытывать некий душевный подъем. Когда мы приближались уже к метро, девушки заинтересовались моими планами на ближайшие выходные. Я отвечал, что планов нет, если не считать таковыми намерения поваляться в постели до обеда, а затем просто побыть в быту, аккумулируя энергию для предстоящей руководящей деятельности...

Добравшись до дому, мне отчего-то захотелось без промедлений позвонить Димасу, чтобы порассказать ему о последних зигзагах судьбы, а также пригласить их с Денисом к себе – пятница же, можно же и расслабиться немного, подумалось, отпраздновав меж делом такие дела. Однако Димас, до которого я прозвонился не сразу, без особенного энтузиазма принял мое приглашение, вернее не принял его совсем, сославшись на трудности с обработкой сложного заказа, вызывая во мне чувство умиления за свой нестигаемый и принципиальный профессионализм.

Звонить кому-либо еще я не стал, во многом потому, что сама по себе возможность побыть одному к тому времени превратилась в редкость, своего рода праздник. Правда, открывая пустой холодильник, я не обнаружил там ничего, кроме пачки сарделек и двух бутылок застарелого пива, тем и отметил, подумывая одновременно о том феномене, что

даже теперь, когда я начал прилично зарабатывать и откладывать что-то в фонд светлого будущего, увы, мне так и не удалось пока свернуть с натоптанной дорожки неустроенности и неискоренимой дисгармонии. И пускай я успел уже прикупить себе новый ноутбук, кое-какой одежды и прочих приятных вещей и предметов, все это не меняло в моей биографии ровным счетом ничего.

К тому же значительную часть денег с первой полочки я вновь пустил в проект «Купи у нас», испытывая определенное неудобство перед Димасом и Денисом за то, что они вкалывают там во благо нашего общего дела, а я тут, видите ли, карьеры строю на стороне – и даже, получается, немного преуспеваю. С другой стороны, вполне ясно я сознавал и то, что нынешняя их повышенная занятость, в результате которой они так плотно загружены, оплачена из моего кармана. Да и на прибыли с «Купи у нас» я не зарился, именно этим снимая с себя вину и размышляя в том ключе, что ситуация в принципе хоть и не безупречная, но вполне приемлемая, рабочая.

Пока сардельки разбухали в кастрюльке, завибрировала смска. Вообще-то я догадывался, от кого она: вариантов виделось всего два. Первой написала Моника, сообщая, что не намерена ждать до понедельника, а желает видеть меня прямо завтра, зазывая вечерком в какой-то клуб танцевального характера. И хотя я всегда крайне сдержанно относился к такому виду досуга как дрыганье телесами в толпе вертлявых

незнакомцев, все-таки пошел на это: в основном из необходимости приватно переговорить с Моникой и получить от нее ответы на кое-какие вопросы. Спустя минут пять написала и Афина. Она хотела бы съездить со мной завтра в какой-нибудь пригород, все равно куда, поскольку нигде еще не бывала. Ответным сообщением я предложил перенести поездку на воскресенье, с чем та вполне и согласилась. Так выходные заполнились.

Следующим вечером мы повстречались с Моникой в центре, направляясь дворами и подворотнями в какой-то клуб, название которого так и не засело в моей памяти. В клубе все вокруг трещало, мелькало и дрожало, что мне здорово не нравилось, хотя по мере потребления коктейлей всех цветов радуги мне все же удалось выработать к этому терпимое отношение. И даже постоянно держа в уме, что я здесь для того чтобы разговорить Моникку, обстановка, прямо скажем, к диалогу не располагала категорически: в гремящей кутерьме невозможно было не то что о чем-либо договориться и услышать друг друга, но и попросту расслышать встречные реплики – общались мы преимущественно языком жестов.

Уже ночью, когда на танцполе назревала какая-то свистопляска, Моника вытащила меня из толпы, чтобы уйти. Было уже за полночь, метро отключилось, и потому, взяв такси, я предложил Монике проводить ее до дома. Выяснилось, что живет она в том же районе, что и Афина, то есть на противоположном краю города, но и это, разумеется, не заставило

меня взять свои слова обратно. Смутно помню еще, как мы, сидя на заднем сидении – отчего-то умирали со смеху, обнимались и целовались. Когда мы подъезжали к ее дому, я уже однозначно решил пригласить себя к ней в гости, однако Моника твердо отвергла эту идею, объясняя свой отказ тем, что дома у нее бдит папа самых строгих правил, который очень не любит выпивших, как собака. Очевидно, то обстоятельство, что сама она не слишком-то трезва, расстроить ее папу не могло; расставались мы той ночью, впрочем, куда более тепло, чем обычно. Прикидывая, что преждевременное знакомство со строгим родителем и впрямь несколько не вписывается в архитектуру событий, я велел таксисту разворачиваться и мчать через город в обратную сторону, переключившись на вычисление примерной стоимости всех этих переездов, с учетом ночной наценки, и перебирая в уме сценки уходящего в историю вечера.

Воскресным полднем мы списались с Афиной, я предложил выбраться в любимый пригород, да и погода в тот день выдалась вполне благоволящей, задумчивой и глубокомысленной, как сама Афина. Сделав круг вокруг пруда в парке, болтая по мелочам о различных культурах и субкультурах, я предложил передохнуть, присев на скамейку. В тот трогательный миг мне сделалось невыносимо стыдно перед ней: за то, что вчерашний вечер я провел с ее соперницей, изо всех сил умалчивая теперь об этом и оправдывая себя тем, что и сам-то минувший вечер запомнил не во всех нюансах

и деталях, упустив в какой-то момент контроль над еще происходящим и уже произошедшим.

Мало-помалу я подвел разговор с Афиной к волнующей меня теме. Разоткровенничавшись и как бы пытаюсь уравновесить систему своей откровенностью, я поведал Афине о письме Моники, о его содержании и тамошних умозаключениях... Она смотрела на меня в священном ужасе, словно бы это я сам обвиняю ее в каких-то непотребствах и кознях, приписывая ей те качества, которых за ней нет и быть не может...

Выслушав меня предельно сосредоточенно, Афина решительно опровергла обвинения Моники, время от времени охая и ахая, дескать, и подумать не могла, что у той настолько остро развита склочность и склонность к интригам. Здесь у меня зрел соблазн порасспросить все-таки и про Нину Иоанновну, и про то секретное досье – что в нем значится еще, однако вслушиваясь в ее музыкальный голос, всматриваясь в умные глаза, я лишь укреплялся во мнении, что ну не может столь милое создание врать мне с три короба, да и опять же – ЗАЧЕМ?!?

Не оставалось никаких сомнений, что я вновь заплутал в трех сосенках отношений к двум этим барышням, снова они обе нравились мне, каждая по-своему, но в то же время я не мог определить еще, кто из них ведет со мной какую-то свою игру, и главное – для чего, а кто же говорит чистую правду...

Ощувив, что заметно похолодало, а Афина начала мерз-

нуть, я увел прогулку в сторону вокзала.

Голова 27. Фальсификация выбора

Долгой ночью с воскресенья на понедельник, в котором мне предстояло разменять казенную рубашку разводящего на строгий костюм руководящего, как-то мне, помнится, отчаянно не спалось. Возможно, виной тому была захмелевшая и горлопанящая школота, разгалдевшаяся во дворе и время от времени на скверном английском покрикивающая, будто панки не умирают. Но скорее, то был отголосок активно наполненных выходных: энергетика и событийность последних дней не давали мозгу уснуть. Так я вновь погрузился в раздумья об уходящей неделе в целом, в течение которой со мной случился стремительный переворот от разжалованного обратно в «лохи» гражданина до шефа ответственного участка могущественной структуры.

Как нередко и бывает после подобных ночей, проснулся я слишком уж рано, необычайно свежим, собранным и полностью готовым ко всему. Потому, наверное, и надумал отправиться в офис с утра пораньше, дабы успеть освоиться в новом кабинете и привнести в него что-нибудь свое: для этого я прихватил с собой любимую кружку цвета морской волны. Приехав на работу аж к десяти утра, вместо предписанных одиннадцати, я немало удивил таким поступком круглосуточных охранников с проходной, явно не привыкших к подобному служебному рвению и непредусмотренному появ-

лению кого-либо: в проходной во всю дурь громыхал ласкающий их слух death chanson.

Пожалуй, меня немного покорило, что со мной они стали теперь «на вы»: «Чего это вы ни свет ни заря сегодня пожаловали, Никита Парамонович?» – заинтересовался начальник смены. Хотя еще в прошлую пятницу, до моего назначения, тот сформулировал бы свой вопрос несравненно косноязычнее, что-нибудь вроде: «Ты че, братуха, попутал? Часы не туда перевел, мян?» Однако теперь я стал для них Никитой Парамоновичем, с которым нужно вести себя сколько-нибудь учтиво и обходительно, несмотря даже на то обстоятельство, что я продолжал приходить на службу ногами.

Войдя в свой отдельный от остальных кабинет, я нашел его слишком уж просторным для себя лично. Во мне вдруг вспыхнула на мгновение идея посадить сюда еще и Монику – вместе-то будет всяко веселей, но понимание того, что начинать свою руководящую деятельность с причуды было бы не слишком авторитетно – живо убило эту мысль.

Зато зароились другие. Снова и снова прокручивал я в уме все эти загадки без отгадок: про подозрительное поведение Моники и Афины, их конфликты и сближения, про уволившего меня, а затем уволившегося Минора Камоныча... и все-таки, волевым усилием, мне удалось оборвать мысленный круговорот, доколе? Пожалуй, я и сам был к тому времени изрядно утомлен этими думами, приходя уже к ито-

говому выводу, что на самом деле никаких загадок и нет – есть лишь естественный ход событий, которому я придаю какое-то усложненное значение, ища двойное дно там, где его нет. Постепенно я входил в состояние согласия с объективной реальностью: «Пусть все идет своим чередом, и если и есть какие-то странные игры, секреты, то скоро я обо всем узнаю, а если их нет, стоит уgomониться и переключить внимание на то хорошее, которое, безусловно, случается и в моей жизни: и в последнее время – все чаще и гуще...»

Так я стоял в кабинете общего пользования и смотрел в окно: в окне транслировалась только красная кирпичная стена защищающего здание забора, со всех остальных окон второго этажа, впрочем, являлся тот же самый вид, а вот на третьем уровне мне бывать пока и не доводилось. Вот и я в тот момент словно бы почувствовал, что как бы уперся с этими загадками и загвоздками в глухую стену, а значит, настало время разворачиваться и двигаться куда-нибудь еще. В минуту тех размышлений рука отыскала на подоконнике гладкую продолговатую бумажку. Перевернув ее, я прочел свою фамилию: то была та самая бумажка, что принесла мне удачу, поднимая на несколько ступеней выше и даруя высокий пост, делающий вежливыми и осторожными даже хамоватых мордovorотов с проходной.

После этой находки и ход моих мыслей подался в иную плоскость. Вдруг пришло понимание, что мое руководящее положение предполагает, очевидно, не только существенное

увеличение зарплаты и притворную вежливость со мной в пределах территории РЦСЧОДН, но также и выполнение некой реальной работы. А вот что это за работа – вот та загадка, которая должна волновать меня подлинно... Я признавался себе, что не знаю практически ничего о том, чем мне предстоит заниматься, припоминая, как Минор Камоныч без конца мотался по каким-то совещаниям, ездил на выездные сессии в «Kresty», а бывая в офисе, копался в документах, подписывая их и позванивая Афине, чтобы та уносила и приносила еще. Вплоть до того, что даже когда тот увольнял меня, то продолжал неустанно ставить автографы на каких-то документах, лишь бегло просматривая их и одновременно искоса поглядывая на меня.

Все глубже погружаясь в воспоминания о трудных трудовых буднях Камоныча, я основательно задумывался о том, что и мне волей-неволей придется вскоре узнать множество принципиально новых для себя вещей: и не факт, совсем не факт, что они будут мне полезны или сколько-нибудь приятны. И в тот момент, с гордостью за благородство своей миссии, я вспоминал, что делаю это не только ради себя, не столько ради зарплаты и престижа; я здесь и ради тех парней, партнеров по бизнесу, которые крутятся вовсю по городу, для Димаса и Дениса, ведь судя по их беспрецедентной занятости – дела-то у «Купи у нас» пошли на лад совершенно конкретно. Оставалось лишь усмехнуться, воссоздавая в памяти самое начало пути: когда Денис и вовсе не хотел с

связываться с этим бизнесом, а Димас предлагал учредить какую-то парадоксальную пышечную.

Пока я размышлял о грядущих руководящих делах и неожиданном прорыве нашего интернет-магазина, моя рука дотянулась до вазы с шариками, где были впечатаны фамилии бывших моих разводящих коллег, ставших теперь подчиненными. Продолжая щелкать как семечки эти шарики, я вытаскивал оттуда бумажки и выкладывал их на подоконнике в еще не оформившуюся геометрическую фигуру. Когда я раскрыл уже половину шариков, подумалось, что неплохо бы знать своих новых подчиненных пофамильно, а то по-прежнему они оставались для меня сплошь Сашами да Лешами, известными мне в основном по наружности, а также модели, чехлу для «Кайфона». К тому же, каюсь, с ранней юности питал я необъяснимую страсть к смешным фамилиям, собирая их в коллекцию и надеясь, соответственно, что сумею пополнить ее через своих коллег. Однако стоило мне опустить взгляд на жеребьевочные бумажки с фамилиями, то поначалу я попросту не поверил своим глазам: на всех семи бумажках, которые я успел извлечь, значилась моя фамилия...

Немедля вскрыл я и остальные, но и там были представлены бумажки только с хорошо знакомой мне фамилией, своей собственной. И хотя пополнение коллекции новыми образцами не состоялось, ситуация вынуждала думать и действовать: быстро спихнув все шарики и бумажки в мусорную

корзину, я лихорадочно искал, чем бы еще их прикрыть, как бы так утаить, чтобы они надежно покоились на дне. В процессе поиска меня вдруг накрыло опасением, что так ведь бумажки могут обнаружить нежелательные лица: а вдруг, когда уборщица будет выкидывать их в общий мусорный котел, они разлетятся по всей территории РЦСЧОДН... или случится еще какая-нибудь непредсказуемая неприятность. Нет, этого допустить было никак нельзя, поэтому, бережно доставая бумажки из мусорного ведра и пересчитывая, затем я мелко-мелко их покрошил, складывая во внутреннем кармане пиджака, чтобы не оставить следов и улики никому.

– Привет, большой начальник! – раздался за спиной звонкий и знакомый голос, в дверях застыла Афина.

Должно быть, я смотрелся до крайности нелепо, неуклюже полусидя на одном колене возле мусорной корзины и зачем-то ковыряясь во внутренностях пиджака.

– Хм, привет, – смущенно ответил я и неестественно улыбнулся в ответ, раздумывая, стоит ли говорить ей о подлоге, и параллельно размышляя уже, что загадки эти, похоже, не так уж и надуманны, как хотелось бы думать...

Голова 29. Чемодан без денег

Примерно в те самые дни меня вновь стали наступать смутные сны, словно пытающиеся оставить какое-то личное сообщение, однако совершенно не поддающиеся расшифровке сознанием наяву. Более других запомнился такой вот экземпляр: вопреки своим многолетним привычкам я отчего-то приобретаю лотерейный билет для участия во всенародном розыгрыше грандиозных суперпризов. Разумеется, напрочь забываю об этом и ничего не знаю о том, что в воскресенье, в утреннем эфире щедрого на скандалы и сенсации телеканала, объявляют имя победителя, коим оказываюсь я.

И хотя мне ничего не известно о нечаянно наступившей меня удаче, удача приходит за мной сама: некие форменные молодчики перехватывают мое тело на улице, заталкивают в вертолет и воздушным способом доставляют в телестудию, где меня нарекают тем самым везунчиком, рождающимся раз лет в сто, после чего вручают самый главный приз – чемодан без денег. Чемодан приходится мне не по вкусу, он не только без денег, но также без ручки, замка, обивки: по всему видно, бывший в употреблении. Несмотря на это, я вынужден, как мне подсказывают откуда-то сбоку, блефовать-ликовать, и вот тут выясняется, конечно, что и это еще не все: задорный и заводной ведущий протягивает мне ключи от квартиры, где деньги лежат. Одна тонкость – ника-

кого конкретного адреса той квартиры к ключу не прилагается, даже полунамека не дают, а потому призы, по моему скромному мнению, лишены малейшего практического смысла. Однако телезрителям об этом не говорится ничего, разве можно огорчать или обманывать телезрителя? А потому после выхода из телестудии вокруг меня кружатся уже стаи всяких мошенников, кидал и ловкачей, уверенных в том, что денег у меня теперь куры не клюют, в то время как в действительности я гол как сокол. И от дальнейших злых приключений с головорезами всех мастей меня уберегает лишь своевременное, спасительное пробуждение.

Хотя и явь к тому времени изрядно сгустилась и представляла все более замысловатой. В первую же неделю работы в новом качестве я сполна познал разницу между функциями разводящего и руководящего. Если будучи простым менеджером я проводил время неторопливо и предсказуемо, развлекаясь «Блатной правдой», посиделками в интернете и разговорчиками о «Кайфонах», терпеливо дожидаясь обеда, а затем и окончания трудодня, то отныне все стало совсем не так. Целыми днями я совещался на совещаниях, заседал на заседаниях, регулярно бывая и на выездных сессиях в «Kresty», где вместе с начальниками смежных отделов мы проводили длительные и развернутые беседы с внутренними менеджерами. Ситуация осложнялась тем, что именно в ту осеннюю пору внутренние менеджеры вздумали бунтовать, заявляя о своих правах все громче и борзее и требуя улуч-

шения условий труда. Козырь же требовал уже от нас установить, кто занес в «Kresty» эту заразу: свободолюбивые настроения, снижающие качество работы приносящих деньги заключенных.

Надо сказать, только тогда я проникся сочувствием и даже пониманием Минора Камоныча, осознавая, чем была обусловлена извечная его пасмурность и небритость. Уже и за собой я улавливал нотки хмурости, хотя первые дня три все это здорово захватывало меня, подобно былой новизне от чтения «БП». Высиживая на совещаниях в офисе, равно как и на выездных сессиях в «Kresty», я старательно слушал, кивал и вникал, получая множество сведений как о сравнительно честном отъеме денег у населения вообще, так и о мобильных разводко в частности. Прилагался, однако, и еще один бонус: в полном объеме открывался мне малознакомый прежде языковой пласт, поскольку в «Kresty» общаться приходилось по большей части с ровнями по статусу, боссами здешних представительств РЦСЧОДН, Шершавым и Крылатым. Последнего, как рассказывал мне однажды по дороге в «Kresty» шеф «ЖКХ-технологий», величали так за несколько удачных побегов из исправительных учреждений по юности, причем никто долго не мог объяснить научно, как ему это удавалось. За такие выдающиеся качества и нарекли его в одних кругах Неисправимым, в других – Крылатым, лишь с годами второй вариант все-таки взял верх. Позже, правда, всплыло, что побег Крылатого были лишены всякой жут-

коватой мистики или головокружительной романтики: дело было за богатыми заносами со стороны его еще преуспевающих в ту пору родственников. Героическое rogonjalo, так или иначе, за ним закрепилось.

В первые дни знакомства с Шершавым и Крылатым я отчаянно пытался их в самом буквальном смысле понять, потому как изъяснялись они со мной на сложносочиненной фене, удивляясь тому, что я не всегда улавливаю посылы их речей, заставляя меня, ко всему прочему, чувствовать себя глуповатым иностранцем, сунувшимся в чужой монастырь. Впрочем, понимание друг друга значительно облегчалось общностью целей, а они, как ни странно, были у нас общие – привести в чувства, раскочегарить внутренних менеджеров, которые в последнее время совсем уж отбились от рук, играя на понижение, что доставляло ощутимые неудобства и приносило финансовые огорчения всем участникам и соучастникам бизнеса.

Но более всего напрягала, пожалуй, вовсе не занятость или принципиально новый, довольно своеобразный круг общения, а то обстоятельство, что я практически перестал видеться с Афиной и Моникой. Утром, едва успев принять кофе, я убегал на совещания, лишь изредка имея теперь возможность отобедать в столовой, и даже когда таковая возможность представлялась, то обедал я уже в кругу шефов других отделов: обедать с подчиненными в РЦСЧОДН считалось моветоном и «западлом», как чаще выражались сами

шефы. И дело состояло в основном в том, что у нас с подчиненными существовали разные уровни допуска к информации, хотя у меня ни разу и не возникало ощущения, что я уже посвящен в какие-то великие тайны, проникнуть в которые не способен своим умом любой желающий со стороны. И еще: в тех редких обедах в столовой от меня не ускользнуло, конечно, что Афина и Моника больше не обедают вместе, примкнув к разным компаниям.

В свой кабинет обычно возвращался я только ближе к вечеру. К тому времени на рабочем столе скапливалась уже внушительная пачка документов, а Афина еще и приносила на подпись добавку; мне вменялось непременно подписать все бумаги до конца трудодня. Довольно скоро практически путем я установил, что если вчитываться в эти документы, то следует обзавестись раскладушкой и оставаться ночевать здесь же, в кабинете. Поставленную задачу мне значительно затрудняло и то, что документы были составлены на причудливой смеси безупречного официального русского и пресловутой фени, что регулярно ставило в тупик восприятия формулировок. И я с удовольствием привел бы конкретные примеры во всей прямоте цитат, да вот только собственноручно подписанный договор о «неразглашении информации», увы, до сих пор кое-где связывает мне руки и подсушивает язык.

Справедливости ради, в первый же день руководящей работы на выручку мне пришла Афина, ответственная за кру-

говорот документов по офису и популярно растолковавшая, что вчитываться в эту чушь вовсе не обязательно, так как документы сплошь однотипные и в большинстве своем сугубо формальные, а если я удумаю читать все: то в лучшем случае зазря потрачу время, и уж почти наверняка стану тормозить работу всего офиса, что, в свою очередь, вызовет всеобщее неудовольствие, задерживая серьезных и уважаемых людей на работе. Таким образом, Афины в те дни я встречал несравненно чаще, подмечая несколько раз во время нашего совместного присутствия, что отношения между Моникой и Афиной снова заметно остыли: они не смотрели друг на друга, не обедали вместе и совсем не общались. В то же время: если Афина как всегда представляла образцом прилежности и приветливости, то веселая прежде Моника бродила какой-то поникшей и потерянной.

Правда, чего уж там, не было у меня больше настроения и желания вникать в сложную проблематику их противоречивых взаимоотношений. Такое бывает, когда лучшую часть времени и сил сжирает обезумевшая работа, когда прошлую пустоту полностью вытесняет настоящая густота.

Голова 30. Медвежья услуга

В тот уик-энд я выбирался в кино аж дважды, оба раза, к слову, не из любви к этому искусству, без великого хотения. В субботу меня затащила на какой-то чрезмерный арт-хаус Афина, в воскресенье на легкую заморскую кинокомедию Моника. Обе картины показались мне слабыми копиями других слабых копий с крепких фильмов старой школы. Хотя, допускаю, что трудности восприятия заключались не в слабой постановке самих картин, а в обострении того чувства, что я вновь угодил в подзабытую западню, в которой любое воскресенье заведомо омрачено подступающим как тошнота понедельником, суббота же отдает уже воскресеньем – предпонеделником. И чувство это, как правило, бывает вызвано не чем иным, как отвращением к работе, причем не работе как таковой, а именно что к своей. После киносеансов я порассказывал и Афине, и Монике, что общение со всеми этими Крылатыми, Шершавыми и Сизыми дается мне очень и очень нелегко, в том числе в силу чудовищной энергетики стен и решеток, а потому с ощутимой уже тревогой я ожидаю предстоящую неделю. Девушки, разумеется, как могли сочувствовали и выказали поддержку, а впрочем, и помочь ведь ничем не могли. В те выходные я попытался также встретиться и с Димасом и Денисом, однако они, увы, вновь увязли в заказах, пик которых приходился

как раз на выходные.

Наступившая рабочая неделя подтверждала мои наихудшие опасения наилучшим образом: каждый вечер я возвращался домой поздно, съедал пачку пельменей, после чего падал без сил в кровать, мгновенно забываясь черными снами, чтобы отбегав весь следующий день, повторять алгоритм опять. Тогда я полагал, что просто мне тут малость не свезло, поскольку именно в пору моего назначения у заключенных внутренних мананеров случился всплеск интереса к идеям Кропоткина, Махно и прочих прославленных бунтотеров. Бывалые внутренние мананеры всюю выпендривались и выеживались, заявляя, что не хотят обманывать людей почем зря, «тупо кидая на бабло», то есть для того, чтобы оно, бабло, уходило в государственную казну или оседало по непонятным карманам. Нет, отныне они желали возвращения к самым истокам, хотели кидать исключительно идейно, в свою воровскую пользу, потому как они, дескать, иной крови и масти, и с проклятой системой ничего общего иметь не изволят. Вот поэтому-то мы, я и другие шефы, круглыми днями торчали теперь в «Kresty», вербуя новые кадры: преимущественно всякую безыдейную молодежь, не исповедующую никаких принципов или взглядов. И наверное, само общество этих Прыщей, Костылей и Патронов так основательно опустошало и вытягивало из меня все соки.

В последний день той трудовой недели, в пятницу, ближе к концу рабочего дня я вернулся в офис, чтобы подпи-

сать скопившуюся кипу документов и обратиться оттуда прочь. Но стоило лишь приступить к этой операции, как в мой личный кабинет стремительно ворвалась Моника и, подкинув на стол белый конверт, активной жестикуляцией указала, что прочесть его содержимое следует безотлагательно, после чего столь же бесцеремонно удалилась. Я, помнится, был порядком раздосадован ее поступком: неужто так не сказать? Однако письмо, к чести Моника, было лаконичным и информативным:

«Писать в инете и говорить вслух не могу – «уши» могут слушать. Будь осторожней с Афиной, вот-вот она начнет действовать, как – не знаю, но знаю, что начнет, будь внимательней! P. S. Завтра какие планы? М.»

Эх, а ведь я хотел просто-напросто подписать нужные бумаги и двинуть домой, вот только своим письмом Моника лишь спровоцировала очередной приступ раздумий. Я по-прежнему в упор не понимал: ну чем Афина может мне навредить, зачем ей это и почему мне, а не кому угодно другому? И все же письмо заставило меня взглянуть на ситуацию под иным углом зрения, поскольку тот факт, что жеребьевка подтасована в мою пользу, был установлен мною лично и по-прежнему никак не объяснен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.